

ИГОРЬ СВИРИДОВ

ЛЕДЯНАЯ ЗАПАДНЯ

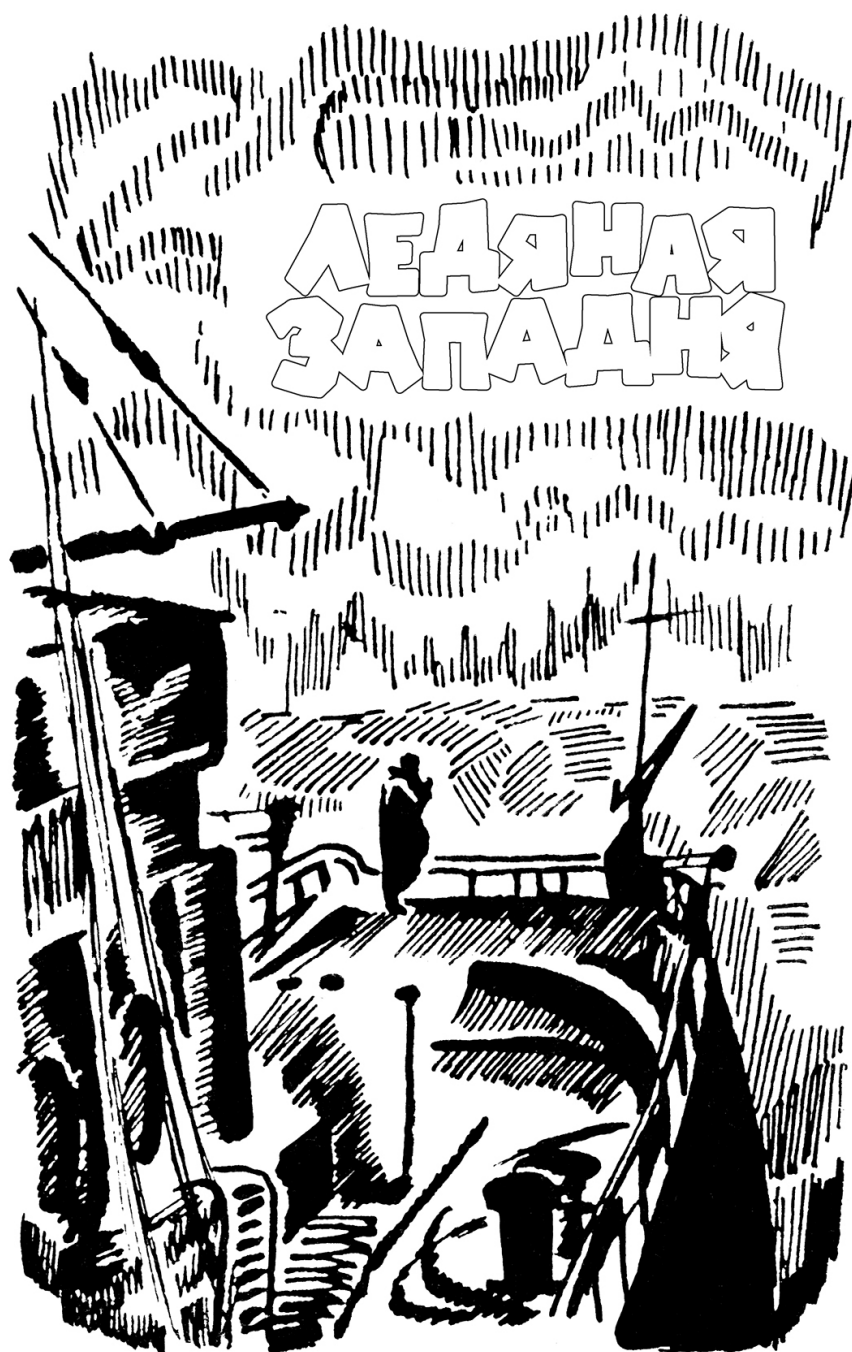
ИГОРЬ СВИРИДОВ

«ЛЕДЯНАЯ ЗАПАДНЯ»

Отсканировано и обработано: https://vk.com/biblioteki_proshlogo

ИГОРЬ СВИРИДОВ

ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖ — 1975

В 1913—1915 гг. весь мир облетела весть — русская гидрографическая экспедиция Б. А. Вилькицкого открыла два новых острова и архипелаг Северная Земля, а в 1914—1915 гг. ледоколы «Таймыр» и «Вайгач» впервые в истории совершили сквозной рейс по Северному Ледовитому океану от Владивостока до Архангельска.

В этой экспедиции принимали участие тамбовчане, кочегарный старшина М. Акулинин, кочегар Ф. Ильин, вестовой Е. Студенов. Только мужество и стойкость русских моряков предотвратили гибель экспедиции. Более шестидесяти лет прошло с тех пор, но живы ещё участники ледового рейса.

О них, людях смелых и решительных, и рассказывается в документальной повести.

С $\frac{0284-002}{M161(03)-75}$ 83—75

*Юрию и Евгению — моим
сыновьям — посвящаю.
Автор.*

ВЕРНОСТЬ ГЕРОЮ

У каждого человека, наверное, есть любимый герой. Мы не расстаемся с ним со школьных лет. Не расстаемся потому, что в эти годы все события, поступки людей воспринимаются нами с жадным интересом, более глубоко врезаются в память. В школьном возрасте мы не стесняемся спрашивать, поскольку хочется «знать все» о великих ученых, писателях, артистах, знаменитых путешественниках.

С возрастом жгучий интерес к окружающему ослабевает. Мы иногда довольствуемся тем, что уже знаем. А вот любимый герой детства остается по-прежнему любимым. Наша верность герою поразительна. Если его черты и поступки не соответствуют теперешним представлениям об идеальном человеке, мы придумываем своего героя заново, наделяя его острым умом или беззаветной храбростью, душевной стойкостью или красотой.

Чаще всего прошлое представляется нам в романтическом свете. Размышления о любимом герое — лейтенанте флота Алексее Жохове — всякий раз вызывают у меня прилив сил, желание сделать что-то хорошее, доброе и полезное.

Впервые о Жохове я услышал на школьных уроках географии. Преподавал ее чудесный учитель Василий Васильевич Метлин. Чтобы мы, ученики, лучше запоминали названия городов, пустынь, рек, Метлин иллюстрировал свои рассказы рисунками на доске. Для этой цели он всегда носил с собой цветные мелки.

Все мальчишки были влюблены в учителя географии. Может быть, именно поэтому так врезалась в память история плавания русских моряков в Северном Ледовитом океане, о котором мы узнали на занятиях географического кружка.

Стоял февраль. На дворе бушевала метель, белыми крыльями билась в глазницы окон. В школе топили плохо. Почти все сидели за партами, накинув на плечи пальто. Словом, была самая подходящая обстановка, чтобы в нашем воображении ожили события трудной зимовки затертых льдами ледоколов «Таймыр» и «Вайгач», о которых неторопливо рассказывал учитель. Слова Метлина падали на благодатную почву. А говорил он примерно следующее:

— Представьте себе, друзья, бескрайнюю ледяную пустыню. Адски холодно. Темь. Вмерзший в лед ледокол «Вайгач» занесло снегом. Заиндевевшие снасти печально поскрипывают под порывами ветра, подпевая в такт вою метели. В помещениях тускло светят жировые плошки. Люди болеют цингой, а до полярного лета еще несколько месяцев.

В холодной каюте бредит больной Жохов. Он укутан в одеяло, но все равно замерз до костей, одеревенели руки и ноги. Которые сутки лейтенант ничего не ест. Через несколько часов матрос зайдет в его каюту и не услышит дыхания. Он откинет полу одеяла, наклонится над больным и увидит остекленевшие зрачки. Матрос бросится вон из каюты с криком:

— Лейтенант умер! Умер!

Так закончил свой путь наш отважный земляк. Он не был новичком в полярных плаваниях: дважды до этого побывал во льдах, и оба раза благополучно. В память о Жохове один из небольших островов назван его именем. И еще живет он в сердцах друзей, матросов, к которым он относился хорошо, хотя и был офицером...

Наступила длинная пауза. Нам было жалко лейтенанта. Говорить не хотелось. Наконец, осмелев, кто-то спросил учителя, отчего же умер Жохов и откуда он родом.

— Официально было объявлено, что лейтенант страдал какой-то неизлечимой болезнью, — сказал Василий Васильевич. — Но в обстоятельствах его гибели все-таки много неясного. Почему, например, офицер, который два с лишним года плавал на «Таймыре», флагманском корабле, во время зимовки оказался на «Вайгаче»? Я пока ничего не могу сказать точно, но от участников зимовки слышал: у Жохова сложились плохие отношения с начальником экспедиции Вилькицким.

Потом Василий Васильевич рассказывал, что в двадцатом году служил он в Енисейском гидрографическом отряде, возглавлял который бывший морской офицер Новопашенный (учитель назвал тогда именно эту фамилию, она запомнилась мне своей необычностью, хотя теперь я точно

знаю, что это был не он).

— Так вот, Новопашенный был с Жоховым в экспедиции, — продолжал Василий Васильевич. — И он обмолвился однажды, что Вилькицкий нарочно услали лейтенанта с флагмана. Будто авторитетом слишком большим пользовался лейтенант у команды...

А вообще-то значение открытий, которые сделаны экспедицией Вилькицкого, трудно переоценить. «Таймыр» и «Вайгач» первыми прошли северным путем от Владивостока до Архангельска... Вот залечу свои болезни, примусь за поиски участников ледового похода.

На том и закончилось первое, но очень затянувшееся занятие географического кружка. Мы расходились, дав себе слово перечитать все, что связано с плаванием ледоколов «Таймыр» и «Вайгач». Дома я первым делом кинулся к атласу. Открыл нужную страницу, долго рыскал глазами по Восточно-Сибирскому морю, но острова Жохова так и не нашел. Это обстоятельство меня так огорчило, что я, почти не притронувшись к еде, разделся и лег в постель. Однако не спалось. Думалось о лейтенанте Жохове, о капитане Татаринове (я недавно прочел книгу «Два капитана») и всяком другом, что не имело прямого отношения к рассказу Метлина.

Утром я додумался вот до чего: образ капитана Татаринова удивительно совпадает с теми чертами характера и внешними данными, которыми учитель географии наделил в своих рассказах лейтенанта Жохова. Догадка не давала покоя. Наскоро сделав уроки, я помчался к своему другу Володе Старкову, и вместе с ним мы пошли на квартиру к Василию Васильевичу. Наше «сенсационное» сообщение на Василия Васильевича впечатления не произвело.

— Поспешное умозаключение, — сказал он. — Книгу «Два капитана» я знаю. Не думаю, что писатель слышал что-либо о Жохове. Скорее всего прообразом Татаринова явился Георгий Седов. Помню, что в дневнике Седова были записи, которые тесно перекликаются с содержанием некоторых писем Татаринова.

Василий Васильевич открыл ящик письменного стола и извлек оттуда общую тетрадь. Полистав пожелтевшие страницы, он предложил:

— Послушайте, что писал Седов о Ледовитом океане. «Многие из путешественников плавали сюда для отыскания свободного морского пути на восток, многие — для открытия Северного полюса, чтобы разъяснить мировую загадку, как со стороны научных полезнейших наблюдений, так и со стороны открытий. Человеческий ум до того был

поглощен этой нелегкой задачей, что разрешил ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили...».

— Да, что-то такое есть и в книге Каверина, — неуверенно произнес я.

Метлин оценивающе оглядел нас, прикидывая, наверное, есть ли смысл раскрывать перед учениками свои мысли. Определив, что есть, он предложил нам переписать стихотворение. Вот оно:

Под глыбой льда холодного Таймыра,
Где лаем сумрачным испуганный песец
Один лишь говорит о тусклой жизни мира,
Найдет покой измученный певец.
 Не кинет золотом луч утренней Авроры
 На лиру чуткую забытого певца —
 Могила глубока, как бездна Тускароры,
 Как милой женщины любимые глаза.
Когда б он мог на них молиться снова,
Глядеть на них хотя б издалека,
Сама бы смерть была не так сурова,
И не казалась бы могила глубока.

— Эти строки написал перед смертью лейтенант Жохов. Написал для своего надгробья, — пояснил учитель.

Тогда стихи лейтенанта показались мне нелепыми. Только через два десятка лет мне удалось понять их. По-видимому, мое отношение к стихам лейтенанта почувствовал и Василий Васильевич, лицо учителя сделалось сухим, даже жестковатым. Он, очевидно, раскаивался, что затеял столь необычный разговор с такими туповатыми мальчишками.

Мы заторопились уходить. Простился Метлин с нами холодно. Сколько раз потом ругал я себя за тот поспешный уход из квартиры учителя. Ведь я не задал ему ни одного вопроса. А рассказать ему было о чем. И разговор о Жохове, как я понял позже, он вел с нами не случайно. Он хотел передать нам дело своей жизни. Хотел, чтобы мы пошли по его следу и раскрыли тайну гибели лейтенанта. Мы же по молодости и не предполагали, как трудно бывает ему по утрам подняться с постели, какая боль все чаще сжимает сердце.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Война отодвинула на задний план юношеские заботы и мечты. Суровые фронтовые будни заставили иными глазами посмотреть на дела и жизнь любимых героев. Произошла неизбежная в таких случаях, хотя и временная, переоценка ценностей. То, что в 1938 году вызывало восхищение и зависть, стало теперь для нас повседневной окопной прозой. Я все реже вспоминал о дорогих моему сердцу лейтенанте Жохове и его товарищах. Военные будни захватывали человека целиком. По крайней мере так мне казалось до одной случайной встречи, которая произошла вскоре после победы над фашистской Германией. Солдатские дороги привели нашу часть в Приморский край. Расквартировали нас на какое-то время во Владивостоке. Своими глазами увидел я теперь город на пороге России. Город, где жили Арсеньев и Лазо, Бонивур и Фадеев. Пирсы Владивостока встречали Фритьофа Нансена и, конечно же, экипаж Северной экспедиции Б. А. Вилькицкого.

Под июньским солнцем сверкала бухта Золотой Рог. Город был чем-то похож на Севастополь. Чем? Наверное, узкими улочками и белыми домиками, которые брали начало прямо у океана, а потом взбирались к разноцветным вершинам сопки. Тот же крик чаек, такие же гудки пароходов морского вокзала. И множество пестрых иностранных флагов на кораблях. А на улицах, в порту, магазинах матросы со всех концов земли.

Как-то с группой солдат меня послали на автомашинах получить новое оборудование для понтонного взвода. В дороге нам пришлось заночевать в деревне Сергеевке, которая примостилась у подножия высоченной сопки. Стояла осень. Старожилы утверждали, что это — самое лучшее время года в Приморском крае. Мы были с ними согласны.

Заночевали в небольшой беленькой хатке, сложенной из самана. В нескольких метрах от нее звенел ручеек, а за ним тянулось обширное соевое поле. Маленькие окна домика весело сияли чисто вымытыми стеклами в лучах заходящего солнца.

— Ночуйте, сыночки! — разрешила хозяйка. — Места в хате на всех хватит. Сейчас молочком вас угощу. Коровки, правда, нет у нас — кормить ее нечем. Зато две козы держу, очень даже щедрые попались.

Когда мы, умывшись и перекусив, собрались залечь спать, с печки раздался хриплый кашель. Через минуту в горнице оказался и сам хозяин

дома. Это был высокий старик с широкими плечами. Его большие руки и могучая грудь красноречиво говорили о том, что в молодости он отличался недюжинной физической силой. Затеяливая татуировка виднелась из-за распахнутого ворота рубахи.

— Здравствуйте, служивые! — произнес старик хриплым голосом. — Чем вас хозяйка угощала?

Мы поторопились заверить старого моряка, что сыты и нам ничего больше не требуется.

— Ну коль так — выпьем с вами бражки, — решил хозяин. — Неси, мать!

Расспросив нас, где воевали, за что получили награды, дед, слегка захмелев от выпитого, затянул старинную матросскую песню. Но, спев куплет, умолк, задумался.

— На флоте служили, отец? — спросил я.

— Было дело, сынок. Было. Половина жизни в кубриках прошла. Только перед Отечественной войной на суше обосновался. А то все рыбачил.

Потом старик несколько минут молча рассматривал нас выцветшими, окруженными густой сетью морщин глазами, подперев щеки ладонями. Взгляд у него был цепкий, но добрый.

— Откуда сами-то, служивые? Тамбовских нет среди вас?

— Есть! — живо отозвался я.

— Земляк, значит, — развеселился хозяин. — Вот какая удача выпала. Слышишь, мать?! Я тоже из тамбовских краев, в Козловском уезде родился. Теперь город Мичуринском называется. Слыхал? Землячество в армии или на флоте — дело большое. Очень это хорошо, когда рядом с тобой землячок служит... Меня-то, к примеру, в свое время земляк от верной гибели спас. А дело было так. В девятьсот тринадцатом плавал я на ледоколе «Таймыр». Два их было ледокола, «Таймыр» и «Вайгач». Экспедиция на них специальная плавала. Молодой я тогда был, гордый, надоело боцманские оплеухи считать, а тут как раз стали искать среди нас добровольцев для плавания на севере. «Эх, — думаю, — семи смертям не бывать, а одной не миновать! Нечего терять матросу». Плавание вышло удачным, все важные открытия мы сделали в этот раз. Скорее всего, я бы и на другой год на «Таймыре» остался. Но не судьба, заболел. Заболел, а с ледокола не списывают. Тут-то и выручил меня земляк мой, Ефимом его звали. Был он в хороших отношениях с лейтенантом одним. Говорили, что у того поместье имелось где-то в наших краях...

— Как фамилия лейтенанта? — не удержался я от вопроса. — Не Жохов

ли?

— Жохов... Жохов, — повторил моряк. — Нет, сынок, врать не буду, забыл я начисто фамилию. Одно скажу — хороший был человек. Рассказал ему Ефим о моей беде, а он помог мне совсем распрощаться с военными кораблями. С тех пор стал на торговых судах плавать. Женился да так и остался на Дальнем Востоке...

— А что с тем лейтенантом стало потом?

— Сказывали, будто и с ним самим несчастье вышло. А подробностей не знаю... А ты, парень, видно, слышал что-то про лейтенанта?

— Слышал про одного... Но тот ли человек?

— Тот, тот! — уверенно подтвердил старик. — Если тебе говорили про лейтенанта, который на «Таймыре» плавал, то одного человека мы хвалим. Редко офицеры к нижним чинам уважение имели. И у нас второго такого офицера не было. Вот и кумекай...

Некоторое время мы сидели молча, размышляя каждый о своем.

— А теперь, ребята, ночевать давай. Поздно уже, — проговорил наконец хозяин, тяжело поднимаясь из-за стола.

Легли. Но мне не спалось. Вспоминал мать, Тамбов, школу, Василия Васильевича, Володьку Старкова. Где-то он сейчас? Жив ли? В армию нас призвали в один день, но попали мы в разные части. Воспоминания были настолько волнующими, что именно этой ночью, впервые за годы войны, я с особой остротой почувствовал, как истосковался по дому. Вспомнил и то занятие географического кружка, на котором Метлин рассказывал нам о Жохове. Потом пытался припомнить стихи лейтенанта, но не смог двинуться дальше первых строчек.

Под глыбой льда холодного Таймыра,
Где лаем сумрачным испуганный песец
Один лишь говорит о тусклой жизни мира,
Найдет покой измученный певец...

И еще я думал о превратностях судьбы. Надо же было так случиться, что мы выбрали место для отдыха как раз в той хате, где живет старый моряк, который плавал когда-то на «Таймыре». Что это: случайность? Судьба? И не просто плавал старик, а жизнь свою сохранил, может быть, благодаря Жохову. И тут я понял, что временное забвение любимого героя кончилось. Меня опять неудержимо потянуло к нему. С этими мыслями я и заснул.

...Шофер разбудил нас ранним утром. Старый моряк еще храпел на печке, когда его жена на скорую руку накрыла на стол. А еще через несколько минут наша машина уже мчалась по дороге. Вскоре скрылись из виду беленький домик моряка и сама деревня. Больше я не бывал в этих местах.

МНЕ УЛЫБНУЛАСЬ УДАЧА

Вскоре после демобилизации меня приняли в редакцию областной молодежной газеты, в которой до этого я сотрудничал на общественных началах. Штатных работников в редакции было немного, а потому мы довольно часто ездили в командировки. Мне наивно думалось, что теперь-то я без особого труда сумею разыскать участников Северной экспедиции. Я помнил слова учителя географии о том, что на «Таймыре» и «Вайгаче» плавало много матросов-тамбовчан.

Если бывал в каком-либо райцентре, то обязательно заходил в местный музей, в селах встречался со старожилами — знатоками родного края. Интересовало меня все то же — не живет ли здесь или поблизости кто-либо из участников Северной экспедиции. Но всюду я терпел неудачи. Года за три объехал почти все районы и города Тамбовщины, а в поисках нужных мне людей не продвинулся ни на шаг. Но странное дело: чем меньше оставалось шансов на успех, тем сильнее было желание добиться его.

И однажды удача улыбнулась мне. Меня послали на практику в «Комсомольскую правду» набираться ума разума.

В «Комсомолке» определили в отдел комсомольской жизни, редактором которого в то время был Владимир Карпович Разон, многоопытный работник, добрейший и чуткий человек. Шефство надо мной взял заместитель заведующего отделом Саша Киреев, талантливый журналист с добрыми, но всегда грустными глазами.

Саша терпеливо учил меня править корреспонденции, видеть за строками читательских писем целые явления, улавливать в письмах то главное, что хотел, но не сумел сказать человек. Мастером правки здесь считался Григорий Максимович Ошеверов, заведующий отделом. До сих пор я храню и считаю для себя эталоном оригинал статьи о внештатных инструкторах райкома комсомола, которую подготовил собкор по Ставропольскому краю. Григорий Максимович не убрал из статьи ни одного

факта, ни одной мысли, но сделал материал динамичнее и в два раза короче. Эта статья после опубликования была отмечена как лучшая в номере.

Как-то вечером я допоздна засиделся в отделе, перелистывая подшивку «Комсомолки», читал статьи, в которых шла речь о Севере. Киреев работал над очерком. Сперва материал, видно, ему не давался. Об этом свидетельствовала груда скомканной бумаги в корзине. Потом он начал писать быстро, без остановки. Наконец, прочитав написанное, отнес рукопись в машинное бюро. Вернувшись в комнату, Саша остановился около моего стола.

— Чем заинтересовала тебя, не князь Игорь, статья о зимовщиках острова Диксона? — весело спросил он. — Уж не собираешься ли ты покинуть город тамбовской казначейши?

— Не угадал. Просто вживаюсь в обстановку Крайнего Севера.

И вдруг легко, как случайному спутнику в вагоне, стал рассказывать Саше о своей мечте. Рассказ занял минут двадцать. Киреев ни разу не прервал меня. Умел слушать. Когда я кончил, он глянул на часы и торопливо пожал руку, никак не высказав своего отношения к только что услышанной истории.

— Иди спать, мечтатель! — бросил он на прощание.

По дороге в гостиницу я отругал себя за то, что полез к Кирееву с исповедью. Серьезно ли выглядит в глазах других моя увлеченность экспедицией? Что теперь подумает обо мне столичный очеркист? Еще подтрунивать начнет.

Однако Киреев как будто забыл о ночном разговоре. И постепенно я успокоился, практика в отделе шла своим чередом. Но я ошибся, думая, что Киреев не придавал значения моему рассказу.

— Пляши, не князь Игорь! — сказал он мне однажды, когда я появился в отделе.

Я ждал вестей из дома, а потому безропотно вынул носовой платок, поднял его над головой, и бойко прошелся между столами.

— Не профессионально, но сойдет! — произнес Саша, протягивая сложенный вдвое листок бумаги.

Развернул я листок, прочитал текст и потерял дар речи... У меня в руках была командировка в Архангельск.

— Ну что ты стоишь столбом, — нарочито грубовато прикрикнул Киреев. — Получай командировочные, билет тебе заказан.

ГОРОД ИХ МЕЧТЫ

Об Архангельске мечтали все: начальник экспедиции Б. А. Вилькицкий, лейтенант А. Н. Жохов, офицеры и матросы. Думать об этом городе начали летом 1914 года, когда «Таймыр» и «Вайгач» покидали бухту Золотой Рог. В город своей мечты участники рейса добрались только в сентябре следующего года, перенеся зимовку во льдах. В Архангельск прибыли все, кроме матроса И. Н. Ладоничева и лейтенанта А. Н. Жохова. Матрос умер от перитонита, а лейтенант от... Впрочем, этого-то никто толком не знал. Выяснить причину я и собирался в Архангельске.

Был конец марта. В Москве стояли солнечные и теплые дни. Снега на улицах давным-давно не было и в помине, а в Архангельске встретила меня такая свирепая метель, какая в наших краях и в январе не всегда бывает. Ветер поднимал с земли сухой снег и бросал его в оконные стекла, в лица людей. Бросал непрерывно, упорно. Сплошная белая пелена покрывала весь город.

Кое-как добрался я до редакции молодежной газеты, где меня поджидал мой коллега, у которого я и пробыл первую ночь на севере.

— Архангельск — важный порт нашего государства. До основания Петербурга он был единственным морским портом России, — голосом опытного гида рассказывал мне хозяин. — Через него проходит основной поток грузов для северных районов страны. Отсюда уходили в путь многие арктические экспедиции.

К сожалению, с участниками Северной экспедиции моему новому другу встречаться не приходилось.

...За ночь буран утих так же неожиданно, как и начался. На дворе стоял почти московский теплый день, даже снег начал подтаивать на солнце, а с крыш деревянных домов звенела капель. Кстати, Архангельская область недаром считается центром заготовки леса. Дерево здесь в почете, даже многочисленные тротуары сделаны из дерева.

Посещение архангельского музея не дало мне новых фактов. Хотя именно здесь довелось впервые увидеть фотографии порта во время встречи ледоколов «Таймыр» и «Вайгач» в полдень 16 сентября 1915 года. И я зачастил в местный архив. К несчастью, мои поиски здесь никого не заинтересовали. Слишком много знаменитых имен связано с историей

Архангельска. В их блеске, верно, и померкла память об экспедиции Вилькицкого. Румяный научный сотрудник, которого директор архива обязал помогать мне, гораздо охотнее рассказывал об О. Ю. Шмидте и И. Д. Папанине, чем о моих героях. Помощь розовощекого архивариуса ограничилась тем, что он с кислым видом раздобыл для меня подшивки газет «Северное утро» за 1915 год.

Два дня подряд я добросовестно перечитывал заметки на пожелтевших страницах, пытаюсь найти хотя бы упоминание о Северной экспедиции. На третий день мне повезло. В номере от 3 сентября (по старому стилю) на второй странице была напечатана заметка.

«К прибытию экспедиции капитана Вилькицкого.

По сведениям, полученным из управления порта, экспедиция капитана Вилькицкого 1 сентября вечером прошла мимо Канина Носа. Так что вчера вечером она должна была прийти на бар и сегодня около 10 часов утра будет ожидать у Соборной пристани».

В следующем номере газеты бросился в глаза большой репортаж о встрече полярников. Вот он:

«Серенький пасмурный день. С утра накрапывает дождь, но уже к 10 часам набережная вблизи Соборной пристани начинает наполняться народом. Архангельский рейд, несмотря на осень, выглядит как-то приветливо — масса парусников и пароходов, украсившихся флагами. Подходит группа учащихся, которые выстраиваются шпалерами на пристани.

Прибывает губернское военное и гражданское начальство, представители города и различных общественных организаций. Минуты ожидания тянутся томительно.

В 11 часов передается извещение по телефону, что суда уже прошли в Маймаксе мимо завода Амосова. Публика пытливо всматривается вдаль. Наконец показалась долгожданная экспедиция. Суда яхт-клуба первыми приветствуют гостей... Раздается орудийная пальба — это «Бакан» отдает привет доблестным морякам, получая немедленный ответный салют. Вот команда «Бакана» рассыпалась по вантам, и могучее «ура» оглашает архангельский рейд.

Первым подходит к пристани «Таймыр», за ним следуют «Вайгач» и

15 сентября 1915 года. Городская пристань Архангельска. Жители города встречают гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана.

«Эклипс». Раздается гимн, исполненный оркестром, неумолкаемое «ура» перекатывается по рейдам.

Светлой радостью полны лица, гордостью — за отечественных героев. Сам капитан Вилькицкий стоит на мостике бодрый, улыбающийся. Команда и офицерский состав выстроились на палубе.

Спущен трап. Входят приветствовать с успешным окончанием славного плавания контр-адмирал Угрюмов, генерал губернатор С. Д. Бибилов, военные и гражданские чины и представители города.

С первыми приветствиями обращается к капитану Вилькицкому и его отважным спутникам вице-адмирал Угрюмов. Представители города подносят хлеб-соль и приглашают гостей на торжественное заседание Думы...

Торжественный акт начался краткой приветственной речью вице-адмирала Угрюмова.

...Затем С. С. Александров от имени городского управления приветствовал капитана Вилькицкого и его спутников следующей речью:

Глубокоуважаемый Борис Андреевич!

На долю Архангельского городского общественного управления выпала

высокая честь первым приветствовать Вас и Ваших доблестных спутников по случаю благополучного возвращения руководимой Вами экспедиции из долгого и трудного плавания.

Совершен великий подвиг, пройден путь из вод Великого океана к берегам Западной Европы через Ледовитый океан, тот путь, по которому никто никогда не ходил. Но я не беру на себя непосильной задачи входить в оценку совершенного вами Великого дела ни с практической, ни, тем, более, с научной точки зрения. Это вне моих сил и средств.

Моя задача скромнее: на мою долю выпало счастье приветствовать Вас и принести Вам от имени населения Архангельска и Архангельской городской думы наши сердечные и искренние поздравления с благополучным и блестящим завершением возложенного на вас трудного дела...

Более 300 лет назад к устью Северной Двины впервые пришли под командою славного английского капитана Чеслера английские корабли. И с той поры завязались более или менее прочные торговые отношения с Западной Европой. При великом императоре Петре здесь уже был сделан первый русский корабль и отправлен с русскими товарами за границу. В наши дни, на наших глазах, впервые пришли к нашим берегам славные корабли «Таймыр» и «Вайгач» из вод Великого океана, прорезавши воды Ледовитого океана. Таким образом, мы видим, что здесь, в наших водах, сомкнулся круг морских путей к Архангельску. Мы видим здесь морских гигантов, прошедших от берегов Америки, омываемых водами Атлантического океана, и здесь же мы видим наши славные корабли, пришедшие из вод Великого океана, омывающего ту же Америку, но с противоположной стороны...

Труден и безвестен был предстоящий Вам путь. Казалось, люди взяли на себя невыполнимую задачу. Нужна была горячая беззаветная вера в успех своего дела, нужна была нечеловеческая энергия и непоколебимая сила воли, не говоря уже о затрате громадного труда, чтобы выполнить принятую на себя задачу и во что бы то ни стало достигнуть намеченной цели. И вы не остановились на полпути, хотя совершенного Вами дела и в первый год Вашего плавания было бы вполне достаточно, чтобы Ваши имена не были забыты историей.

Вы довели ваше дело до желанного конца. Ваши корабли, избитые мятежными волнами, стоят у тихой пристани. И результаты ваших усилий налицо: вы сделали драгоценный вклад в сокровищницу науки и разрешили одну из насущнейших задач».

В других номерах мне попались небольшие заметки о том, что команды ледоколов и офицеры после короткого отпуска начнут службу на других судах, так как «по условиям военного времени экспедиция Б. А. Вилькицкого расформирована».

Вилькицкий, Вилькицкий... Не скрою, газетный репортаж поразил меня ложным пафосом и витиеватым пустословием. За громкими фразами — истинная героика трудных месяцев похода, зимовки всех участников экспедиции. Все время шла речь об одном человеке — Вилькицком. Ему воздавались почести, в его адрес сыпались похвалы и лестные сравнения. Архангельским властям, самому Вилькицкому почему-то не пришла в голову мысль почтить память погибших. Забыли? Или не захотели? И еще. Как начальник экспедиции выслушал такой малиновый звон? Ведь настоящие русские моряки не любили, стеснялись громких слов. Но ведь выслушал, а потом еще «любезно поблагодарил собравшихся за теплые слова»!

После знакомства с материалами газеты «Северное утро» Вилькицкий стал мне антипатичен. Рассуждал я примерно так: нельзя осуждать человека за то, что он не питает к кому-то дружеских чувств, не обязательно любить каждого сослуживца. Но забыть о заслугах умершего Жохова в день общей победы — предательство. По крайней мере так я расценил поведение Б. А. Вилькицкого в торжественные сентябрьские дни 1915 года.

Своими мыслями я поделился с работником архива. Тот внимательно перечитал материалы, пожал плечами:

— Думаю, что ваши обвинения в адрес Вилькицкого не имеют под собой достаточной почвы. Откуда вы знаете, что он ничего не говорил о Жохове? Ведь вы читаете не стенографическую запись, а газетный отчет. Вполне возможно, что тут вина не Вилькицкого, а репортера...

— Возможно...

— И вообще о капитанах-героях. Вы знаете Нансена?

— Знаю.

— А можете назвать его помощников? То-то и оно. А ведь и с ним плавали храбрые моряки! Таков удел капитанов. Если бы погибли корабли и экипажи, общественность заклеила бы позором Вилькицкого. Но экспедиция благополучно достигла порта назначения. И капитану — первая слава!

В какой-то степени работник архива был прав. Под руководством

Вилькицкого экспедиция сделала крупные открытия, ему первому отдавались почести. Мои же обвинения строились не на конкретных фактах, а на догадках. Подтвердить или опровергнуть их могли только участники экспедиции, свидетели тех событий. А раз их в Архангельске не оказалось, то и жить дальше здесь мне не имело никакого смысла.

На другой день я выехал в Москву. От радужных надежд, которые владели мной на пути в Архангельск, теперь не осталось и следа.

Киреев выслушал мой сбивчивый отчет с интересом.

— Не огорчайся, брат! Не сгущай краски. Копии газетных заметок и репортажа — все-таки документы. Сидел бы дома — не появились бы они в твоём блокноте. Северный город своими глазами повидал. В поведении Вилькицкого мне непонятно одно обстоятельство: почему все-таки на карте значится остров Жохова? Начальник экспедиции, по твоим словам, не любил лейтенанта, а остров разрешил назвать его именем. В таком поступке мало логики. Мой совет: сделай запрос в музей Арктики, узнай, с каких пор маленькая земля носит имя лейтенанта. А может быть, чем черт не шутит, знают там и адреса здравствующих участников экспедиции.

Письмо в Ленинград пришлось послать уже из Тамбова, так как практика в «Комсомолке» подошла к концу.

А ЧЕЛОВЕК-ТО ЖИЛ ПОД БОКОМ

Ответа из ленинградского музея Арктики и Антарктики не было так долго, что пропала всякая надежда вообще его получить. Сперва я поругивал сотрудников музея, не находя по утрам в почтовом ящике нужного письма. Потом возникли сомнения в целесообразности моих поисков. Имею ли я право отрывать от дела очень занятых людей? А может быть, мои наивные вопросы вызывают на лица сведущих в этой области людей только улыбку. Сомнениями поделился со своими учителями, преподавателями географического факультета педагогического института.

Состоялся длинный разговор, из которого можно было сделать только один вывод: бороться за восстановление истины никогда не поздно, даже пятьдесят лет спустя. Однако нельзя увлекаться, делать выводы на основании одной интуиции. Оперировать можно только фактами, и

фактами строго проверенными. Стало быть, моя увлеченность лейтенантом Жоховым перестала быть личной забавой, приобретя общественную значимость. И от сознания этого мне стало еще труднее. Ведь документальных фактов у меня не было.

Лейтенант, лейтенант! Знать бы, что вы так накрепко войдете в мое сердце, не стал бы слушать рассказы учителя о вас. Лучше бы сбежал с урока и два сеанса подряд смотрел фильм про вратаря республики. И был бы, наверное, у меня любимый герой, более удобный, простой и понятный. Герой, который шел к своей славе прямой дорогой. А вы, лейтенант? Вы столько загадок загадали.

Ответ работников музея Арктики в какой-то степени подтвердил мои обвинения в адрес Вилькицкого. Выяснилось, что по его предложению острову было присвоено имя бывшего командира ледокола «Вайгач» Новопашенного, который после Великого Октября эмигрировал за границу. Так что только при Советской власти остров переименовали в остров Жохова. Стало быть, я оказался прав в споре с архангельским архивариусом: Вилькицкий не воздал должное лейтенанту.

Работники музея сообщили и адрес бывшего штурмана ледокольного парохода «Таймыр» Н. И. Евгенова. Буквально на следующий день отправил ему письмо. К сожалению, ответа так и не получил.

Прошло несколько лет, прежде чем мне наконец-то крупно повезло.

Как-то журналистские обязанности привели меня в кабинет начальника Тамбовского вагоноремонтного завода В. И. Наянова. Областной газете требовалось его выступление о шефстве ветеранов труда над молодыми рабочими. Владимир Иванович писать статью отказался, ссылаясь на занятость, но сказал, что сможет уделить мне час времени и сообщить все известное ему по интересующему вопросу. Договорились, что в газете появится мое интервью с начальником завода. Закончив дело, я собрался было уходить, когда Наянов любезно поинтересовался, работаю ли я над чем-нибудь более объемным, чем оперативные статьи и очерки в газете. Пришлось рассказать ему о своих неудачных поисках.

— Речь идет об участниках экспедиции, которая в двадцатом веке ухитрилась открыть целый архипелаг, Северную Землю! — пояснил я.

— Да?! Благодарите судьбу за то, что рассказали мне о своей беде, — улыбнулся Владимир Иванович. — Я знаю одного участника экспедиции.

— !!!

— Да, да. Я имею в виду Федора Савельича Ильина. Он был кочегаром на

«Вайгаче». Много лет работал у нас на заводе: хороший командир производства, старый коммунист. Недавно Ильин вышел на пенсию, но из Тамбова никуда не уехал.

Владимир Иванович тут же позвонил в отдел кадров, чтобы уточнить домашний адрес Ильина. Через несколько минут он уже был в моей записной книжке.

Но самое неожиданное заключалось в том, что я хорошо знал эту улочку, которая начиналась сразу же за полотном железной дороги. Буквально в нескольких шагах отсюда жил мой хороший знакомый, журналист. Я часто бывал в его семье. И всегда добирался сюда одним маршрутом. Судьба безжалостно подшутила надо мной, заставив искать участников экспедиции в далеком Архангельске, хотя нужный человек жил совсем рядом.

...Дом Ильина спрятался в густой зелени плодовых деревьев. Дверь открыл плотный человек. Из-под кустистых бровей на меня смотрели зоркие, совсем не стариковские глаза. Я объяснил, что ищу Федора Савельевича.

— Я и есть Федор Савельевич, — улыбнулся хозяин. — Проходите в дом.

Усадив меня за стол, Ильин на несколько минут куда-то исчез, возвратясь с большой вазой, полной краснощеких яблок.

— Отведайте. Из своего сада. Вы, наверное, по поручению партбюро насчет собрания.

Узнав, что меня интересуют воспоминания участника Северной экспедиции, Ильин оживился.

— Затея благородная, — сказал он. — Ведь о нас мало писали. Правда, бывший судовой врач «Таймыра» Старокадомский издал свои дневники. Но там идет речь только о старших офицерах. А о тех, кто всю тяжесть рейда и зимовки на своих плечах вынес, о матросах, — без фамилий и имен: «телеграфист», «связист», «кочегар», «вестовой». Да тут ничего удивительного и нет. Со мной, к примеру, Старокадомский стал переписываться где-то после Великой Отечественной войны. А на корабле офицер-врач и вовсе недоступен был для нас. Чего уж там — даже палубу делили: правая сторона для офицеров, левая — для матросов. По-человечески к нам относились двое офицеров: лейтенанты Жохов и Неупокоев, большие друзья.

— Вы знали Жохова?

— Конечно, знал.

— Как же вышло, что лейтенанта перевели на «Вайгач»?

Матрос Федор Савельевич Ильин в 1914 году. Владивосток.

— Начальник экспедиции Вилькицкий его не любил. Вот и выслал с флагмана.

— За что же не любил?

— Тут такая история. Когда новый начальник впервые увидел настоящие льды, он испугался и дал команду ложиться на обратный курс. Правда, ошибку тут же исправил, но лейтенант не удержался от колких замечаний в его адрес,

— Какой был лейтенант в жизни?

— Веселый, жизнерадостный, общительный. Очень дельный, сметливый. Держался со всеми просто. Характер у него был смелый. Постоять за себя умел.

— А внешне как он выглядел?

— Из себя невысокий, но плотный и физически очень даже развитый. С веслами, например, управлялся не хуже бывалого матроса.

— От чего же он все-таки умер?

— Есть перестал. Жить, говорили, не хотел.

— Когда это случилось?

— В первых числах января 1915 года.

— Из-за Вилькицкого, не так ли?

— Мне это тоже приходило в голову. Но слишком умен был Жохов, чтобы назло самодуру жизни себя лишать...

В разговоре время пролетело незаметно. Я покинул дом Ильина, когда день уже давно клонился к вечеру. И с той поры зачастил сюда. Недели три кряду слушал я рассказы Федора Савельевича о службе на флоте, о его друзьях-товарищах, о ледовой зимовке в Арктике. Вот что я узнал.

БОЛЬШАЯ ТАЛИНКА

Возле дороги, которая с незапамятных времен связывала Тамбов с окрестными селами, в пятнадцати верстах от губернского центра раскинулась Большая Талинка. В центре ее — дома под железными крышами, сложенные из кирпича или срубленные из сосновых бревен и обшитые снаружи тесом. А на окраине — кривые, похилившиеся избы. На отшибе стояла и изба Ильиных. На улицу она смотрела двумя подслеповатыми окнами. Но особенно нелепо выглядел старый чугунок без дна вместо трубы, который чернел на низкой соломенной крыше. Только и красивого — две стройные березки, которые на виду у всех целовали черные глазницы окон.

За хатой виднелся неуклюжий сарай. Его сладил сам хозяин Савелий Федорович Ильин, кряжистый мужик, словно вырубленный из цельного дуба. Савелий был въедливым хозяином, но все-таки горшего бедняка невозможно даже себе представить. От нужды раньше времени состарилась Евдокия, жена Савелия, когда-то красивая и стройная девушка. Старший сын Антон помогал отцу и матери по хозяйству, Федор и Павел по малости лет все лето пропадали на улице, являясь в избу только вечером, когда возвращался с поля отец.

Не сладко жили взрослые, худо приходилось и их детям. Дружил Федор с Семеном Катасоновым, худеньким и длинноруким мальчишкой, который почти всегда хотел есть, а потому попрошайничал. Зная эту слабость Семена, сынки местных богатеев частенько измывались над ним, особенно один — Петька-лавочник.

Дружба с Семеном да и само детство Федора кончились неожиданно. У

крестьянских детей трудовая жизнь начиналась рано. И все-таки будь у Савелия хоть лишний грош за душой, никогда не отдал бы своего среднего и самого смышленного сына в работники. А вышло так, что едва Федору исполнилось девять годков, стал он мальчиком-учеником у богатого рассказовского картузника.

Федор учился кроить материал, шить, бегал в трактир за водкой для хозяина, за что получал подзатыльники от хозяйки.

Картузник заставлял подмастерьев работать часов по десять-двенадцать. Но кормил сытно. По убеждению:

— Не съешь — не поработаешь! — говорил он. — Сухая ложка рот дерет.

Вырос Федор здоровым и крепким парнем. С годами хозяин постарел, и дело его вел Ильин. Он купил себе выходной костюм, фуражку с маленьким лаковым козырьком сделал сам. В родное село наезжал барином, одаряя всех близких гостинцами.

— Рад я за тебя, Федор, очень рад, — говорил отец, когда они садились за стол. — Всегда у тебя деньги в кармане есть. Одно плохо — от земли ты далече...

— А что проку вам-то, батя, от земли было? Видимость одна. А мое ремесло пить-есть не просит, а хлеб приносит.

Как-то встретил Федор друга детства Семена. Тот возвращался с покоса. Обрадовался, соскочил с воза.

— Приходи нынче на посиделки! — пригласил Семен. — Потолковать надо. А ты совсем городской стал.

— Фасон, Сеня, дороже приклада, — усмехнулся Федор, разглаживая усы, лихо выкрученные кончиками кверху. — Тебе когда идти служить-то?

— Осенью, наверное. А тебя-то возьмут?

— Обязательно, для компанейства с тобой и ради приятства. Не без рук и не без ног...

— Тебе только в гвардию! — Худощавое горбоносое лицо Семена расплылось в улыбке. — Дубок, вылитый батя.

Семен даже отступил назад, чтобы лучше разглядеть коренастую фигуру товарища, его широкие плечи, высокую грудь и крупные руки человека, привычного к физическому труду.

— Только в гвардию, — уверенно подтвердил Семен. — А меня... Меня, наверное, в пехоту-матушку... Про Петьку-лавочника слышал?

— Нет. А что?

— Надысь наезжал родителей проведать. Сказывал, что в Петрограде на

мирового учится.

— На юриста, значит... Что купцу законы, коли судьи знакомы. Ловко придумали. Отец народ грабит, а интерес его собственный сын блюдет... Попробуй тут правды добиться... Какой из себя Петька-то стал? Я его, шкуру, почитай, что лет десять не видел.

— Из себя справный. В тройке ходит, золотая цепочка из жилетки торчит. Духами какими-то от него воняет. Франт. Папироской меня угостил...

Федор удивленно посмотрел на Семена, стараясь понять: напустил тот на себя такое добродушие или на самом деле простил Петьке все обиды.

— Чудное говоришь, — произнес наконец Ильин. — Я что-то в толк не возьму. Ты так Петьку обрисовал, словно не он тебя горчицей кормил.

Семен печально улыбнулся.

— Так когда это было-то! Давным-давно, Федя. Дети есть дети. И от тебя мне по загревку доставалось... А теперь иное. Он хоть и плохой человек, да богатый, а ты, к примеру, хороший, да за душой нет ничего...

— Тьфу, где ты такой чепухи набрался? — рассердился Федор и передразнил Семена: — Давным-давно, богатый... Был Петька дрянью, таким он для меня на всю жизнь и остался... Хоть он пудовую золотую цепь в жилетку сунет, а духами ноги мыть станет...

Разговор с Семеном вывел Ильина из душевного равновесия. Как-то вдруг нахлынули (словно только и ждали этого момента) воспоминания детства. А его мечта занять свое картузное дело показалась ему очень мелкой. Гулять Федору расхотелось, встречаться с кем-либо из сельчан тем более. Он кое-как добрался до края села, где дорога делает поворот в поле. Свернул с нее. Домой пробирался огородами, под ногами шелестели опавшие листья. «Скоро засентябрит, — подумал Федор. — А там — здравствуй, жизнь солдатская! Не успею деньжат на корову скопить. Плохо нашим без молока. Избенку бы следовало поправить, изветшала так, что ткни ее пальцем — рассыплется... Ну, ладно. Антон с действительной возвернется — сделает».

Осень подкатила незаметно. Дни стояли серенькие, хмурые. Только изредка из-под свинцовых туч, клубившихся над Рассказовом, пробивались косые солнечные лучи. Часто перепадали дожди. Мутные струйки стекали по глазницам окон. В такие часы даже днем хозяин зажигал лампы. Дожди прекратились только после первых заморозков. Ветер разогнал тучи, и установились ведренныe дни.

— Никак бабье лето вернулось, — говорил хозяин. — Не к добру это...

— Полно тебе вздор молоть, — перебила его супруга. — И вправду беду накличешь...

Беда не беда, а дня через два после этого разговора вызвали Федора на врачебную комиссию. Возле волостного правления собралось народу видимо-невидимо. Призывники из дальних сел прибыли на лошадях вместе с родителями, братьями, сестрами, женами. Вся улица была забита подводами.

В помещение выкликали по два человека, раздевались в холодных сенцах, а уж потом представляли перед врачами. Одного, седоусого и полного, Федор знал, это был местный врач. Остальные, видимо, приехали из Тамбова.

Выслушав Федора, посмотрев язык, рассказовский врач отправил Ильина к своим коллегам.

— Интересный экземпляр, — сказал врач, передавая документы Федора двум офицерам, которые чинно сидели за столом. — Объем груди один метр восемнадцать сантиметров...

— Сколько, сколько? — поднял брови пожилой штабс-капитан с припухшими глазами. — В пехоту такого богатыря жаль посылать. В гвардию ростом не вышел... На флот...

Штабс-капитан вышел из-за стола, сам со всех сторон оглядел мускулистое тело Федора.

— Решено. Пойдешь, парень, в Сибирскую военную флотилию.

— Кто там еще? — Штабс-капитан повернулся спиной к Федору.

В сенцах лицом к лицу столкнулся с Семеном Катасоновым. Тот обрадовался встрече, расплылся в улыбке.

— Куда тебя, Федор?

— В какую-то Сибирскую флотилию, — поеживаясь от холода, буркнул Ильин. — Зазяб я там, все тело в мурашках...

Пока Федор одевался, Семен закидал его вопросами: какой вес и рост определили, о чем спрашивают члены комиссии.

— На реке, что ли, плавать? Сибирская флотилия...

— Бог ее знает.

В это время солдат-писарь вызвал на осмотр Семена.

— Погодь меня. Ладно?

— Ясное дело!

Федор вышел на улицу. Подумал: «Всех одногодков тянут подчистую. И

Семена... Нелегко теперича будет Катасоновым. Семен — самый главный в семье работник, на нем одном все хозяйство лежит. Нешто гоже кормильца забирать? Петьку-лавочника в рекруты надо. Вот уж от кого никакого проку в семье, одни расходы. Да разве пойдет он служить. Сунули, наверное, кому следует, сразу болезнь у Петьки сыскали».

Призывники из Кобылинки и Спасского, сёл больших и богатых, мужики и бабы, провожающие сыновей, мужей и братьев, образовали круг, в центре которого какая-то молодуха частила под гармонь озорные частушки. Федор подошел ближе.

— Бедовая баба! Не успела мужа проводить, а сама о миленке соображает, — вырвалось у него.

— Женщину понимать надо-с. Девочек и то к парням тянет, а замужней бабе очень даже горько-с каждое утро одной просыпаться, — отозвался на слова Федора сосед, хорошо одетый молодой человек. Был он немного выше Федора, но зато не так широк в плечах. В глаза бросалось очень подвижное смуглое лицо, большие и красивые глаза под густыми бровями, крупный нос, под которым чернела аккуратная щеточка усов, волевой рот и квадратный подбородок.

Не успел Федор что-либо ответить, как незнакомец поинтересовался:

— Вы из какого числа: сами призываетесь или провожаете?

— Призывник, — не очень любезно буркнул Федор.

— У врачей уже побывали?

— Показался, — нехотя отозвался Ильин, а про себя подумал: «Вот привязался еще!» Он не любил вести пространные разговоры со случайными знакомыми.

— А меня еще вчера определили в Сибирскую флотилию.

— Скажи пожалуйста, и меня ведь в эту самую, Сибирскую, — оживился Федор. — Что это за флотилия?

— Так, сударь мой, называется флот, который во Владивостоке стоит и наши границы от япошек сторожит. Поскольку нам вместе, быть может, служить доведется, давайте знакомиться: Студенов Ефим. Служил приказчиком у купца в Тамбове. Теперь вот расчет взял-с.

Назвал себя и Федор. Пожали друг другу руки. Тут как раз и Семен подоспел. Оказалось, что и он в Сибирскую флотилию угодил.

Через неделю на станции Тамбов разместили будущих моряков по вагонам. Больше месяца были для них они родным домом. Словно в полусне двигался поезд на восток.

Во Владивосток прибыли утром. Здесь с семидесятых годов прошлого века находилась главная база Сибирской военной флотилии.

Всю дорогу Федор, Семен и Ефим гадали, на какой корабль попадут. И уж никак не могли предполагать, что вместо судовых кубриков определяют их на несколько месяцев в тесные бараки школы первичной подготовки матросов. Казармы находились вдали от моря и военных кораблей. В них поддерживался корабельный порядок, в ходу была только морская терминология. Шагистикой, то есть строевой подготовкой, с новичками занимались старшины-сверхсрочники, исправные служаки. С первых же дней матросов не покидало ощущение никчемности их занятий и чувство безысходности от рукоприкладства и хамского к себе отношения со стороны «воспитателей». Жаловаться на них было некому. Офицеры к матросам-первогодкам почти не заглядывали. Боцмана барака, в который попал Федор Ильин, все дружно ненавидели. Это был высокий и сильный моряк с красным лицом и очень свирепым нравом. Он требовал, чтобы любое его приказание выполнялось только бегом. Стоило какому-нибудь матросу замешкаться, как увесистый кулак обрушивался на виновного.

— Почему море соленое? — спросил боцман новичков в день знакомства. Помолчав, сам ответил: — От пота и слез матросских. Ясно? Не отдыхать сюда приехали, а служить царю и отечеству!

Все месяцы учения боцман всюду старался выгнать, как говорят, сто потов из молодых матросов. Особенно доставалось от него смирным ребятам. На них подзатыльники и тумачи сыпались, как горох из мешка.

Когда начали распределять матросов на корабли военной флотилии, Федор и Семен попали на миноносец «Смелый», а Ефим — на ледокол «Таймыр», флагманский корабль гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, база которой находилась во Владивостоке. Друзья искренне сочувствовали Ефиму, сожалея, что он не попал вместе с ними. Но сам Ефим не унывал. Он купил в городе несколько книг об исследователях Арктики, по ночам зачитывался увлекательными рассказами о полярниках.

Ефим Студенов раньше Ильина и Катасонова покинул ненавистную казарму. Боцман разрешил Федору и Семену проводить земляка. В бухте они увидели ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», которые пришвартовывались у левой стороны причала. Корабли произвели на тамбовцев сильное впечатление.

— Ефим наш, видно, в рубашке родился, — пошутил Федор. — На таких кораблях служить одно удовольствие.

И в самом деле «Таймыр» и «Вайгач» были по тому времени первоклассными судами. Каждое имело около 1200 тонн водоизмещения и машину мощностью в 1220 лошадиных сил. Особенно толстая броня на носу и корме ледоколов позволяла им ломать лед при переднем и заднем ходе. Они имели двойное дно, массу поперечных и продольных водонепроницаемых переборок, через каждые 50 сантиметров были установлены шпангоуты, поперечные крепления кораблей.

Но, разумеется, обо всем этом Ефим и его друзья узнали позднее, а пока они с любопытством поглядывали на веселого матроса, который, лихо насвистывая, драил метровые бронзовые буквы. Из букв складывалось имя корабля — «Таймыр».

— Добровольцы-полярники? — поинтересовался матрос, поудобнее усаживаясь в зыбкой люльке. — Топайте быстрее к лейтенанту Жохову. Он нынче новичков принимает.

Увидев, что на трап ступил только Ефим, а остальные не двигались с места, матрос пошутил:

— В разведку послали?

— Нет, мы на миноносце «Смелый» служим...

Через полчаса Ефим вернулся уже без вещей.

— Ну, земляки, я определился. Оставлен пока при кают-компании. Как узнал лейтенант, что я в фотографии смыслю, так и записал меня сюда. Да, этот самый Жохов вежливый офицер.

— Я же говорил, что Ефим в рубашке родился! — рассмеялся Федор. — Гляди, через год станет наш Студенов боцманом. Ну, прощай, земляк, скоро проведем тебя. Да и ты нас не забывай!

Однако в жизни все иначе получилось. Служба у Федора и Семена на «Смелом» оказалась не из легких, так как оба они стали матросами кочегарного отделения. И тут земляки еще раз недобрым словом помянули матросскую школу, после которой пришлось им заново учиться на кочегаров. Конечно, об увольнении на берег нечего было и думать. Когда же, освоившись с делом, Федор и Семен получили возможность побывать в городе, «Таймыр» и «Вайгач» ушли на север. Только осенью они встретились с Ефимом и даже побывали на «Таймыре». Много интересного рассказал Студенов о плавании в северных морях. В 1913 году экспедиции удалось сделать столько важных открытий, что их хватило бы на десяток полярных походов.

УДАЧА КОЛУМБОВ XX ВЕКА

Экспедиция 1913 года началась с того, что Морское министерство по непонятным причинам решило сменить командиров кораблей Давыдова и Ломана, опытных офицеров, знающих условия севера. Командовать «Таймыром» прибыл Б. А. Вилькицкий, «Вайгачом» — П. А. Новопашенный, которые в Северном Ледовитом океане ранее не плавали. Однако назначение Новопашенного офицеры «Вайгача» встретили с одобрением, поскольку считался тот знающим гидрографом-геодезистом, он окончил Морскую академию и несколько лет успешно работал в Пулковской обсерватории.

К новому командиру «Таймыра» отношение было иное, хотя и Борис Андреевич, которому в 1913 году шел двадцать восьмой год, успел окончить Морскую академию. Слишком одиозной фигурой был молодой капитан второго ранга. Сослуживцы считали его человеком малосерьезным и даже легкомысленным. Б. А. Вилькицкий продвигался по службе благодаря высокому положению недавно, умершего отца — генерала, талантливого ученого и начальника Главного гидрографического управления. Характерно, что Борис Андреевич, веривший в свою «счастливую звезду», давно рвался в экспедицию, но отец был против этого. Только после его смерти Вилькицкий-младший всеми правдами и неправдами добился своего.

Появление нового командира «Таймыра» неожиданно сыграло важную роль в судьбе двух друзей-офицеров — штурмана флагманского корабля Алексея Николаевича Жохова и гидрографа «Вайгача» Николая Александровича Транзе. Дело в том, что они в одно и то же время учились в Морском кадетском корпусе. Только Вилькицкий поступил туда годом раньше Жохова и Транзе. В первый же день Борис Андреевич напомнил Жохову об этом.

— Вы, лейтенант, если я не ошибаюсь, учились в четвертой роте? — спросил командир, пожимая руку штурмана.

— Совершенно верно, Борис Андреевич. Вы шли старшим курсом. Я хорошо вас помню...

— Главное, что я вас не забыл, — еще шире улыбнулся Вилькицкий. — Помнится, вы дружили с кадетом Транзе. Где он сейчас?

— Здесь, в экспедиции, плавает гидрографом на «Вайгаче»...

— Господа! — обратился Вилькицкий ко всем офицерам, которые были в эту минуту в кают-компании. — Командование кораблем я начинаю с доброй приметы, со встречи с однокашником по кадетскому корпусу. Лейтенант Жохов — добрый товарищ моей юности. Помню, что он щедро делился со мной и Транзе лакомствами, которые покупал на деньги, полученные за опубликованные в журналах и газетах стихи собственного сочинения...

И Вилькицкий не забыл о Жохове. Накануне рейса неожиданно для многих Алексей Николаевич был назначен старшим офицером «Таймыра». Неожиданно потому, что, хоть и слыл лейтенант у товарищей и начальства опытным штурманом-гидрографом, хорошим моряком, но в экспедицию попал далеко не по своей воле. Практически он был сослан во Владивосток. Дело было так.

В 1911 году Жохов получил назначение на линкор «Андрей Первозванный». Новое положение его устраивало, так как линкор редко выходил из порта Либавы (Лиепая), а лейтенант готовился к экзаменам. Корабли, на которых ранее служил Жохов, находились в постоянных походах, времени на учебу не оставалось.

Но радость молодого лейтенанта была преждевременной. На крупнейшем в то время русском военном корабле большинство офицеров пьянствовали, службой занимались спустя рукава, а на корабле мордобойствовали. Поскольку новый лейтенант не занимался рукоприкладством, уважительно относился к матросам, его взял на подозрение старший офицер Алеамбаров. И вскоре наступила развязка.

Однажды группа матросов выполняла какие-то работы на верхней палубе. Вышло так, что А. Н. Жохов, который руководил командой, отлучился на несколько минут по своим делам. Возвращаясь, он услышал площадную брань старшего офицера и оскорбления в свой адрес.

— Какой дурак отдал такое распоряжение? — вопил Алеамбаров.

— Не дурак, а их высокоблагородие лейтенант Жохов! — отрапортовал унтер-офицер.

В это время Алексей Николаевич стремительно вышел на палубу, встав между старшим и унтером. Старший, придя в еще большую ярость, пытался сорвать с Жохова погон. Тогда лейтенант выхватил кортик. Старший офицер убежал.

Вскоре после доклада Алеамбарова командиру корабля Алексей

Николаевич был арестован. Предстоял военный суд. Младший офицер поднял руку и оружие на старшего по званию и по должности! Но суда не было, так как группа молодых офицеров (говорят, их было восемь) явилась к командиру за разрешением на дуэль с Алеамбаровым, поскольку в лице Жохова он оскорбил всех молодых офицеров корабля.

Командир поступил мудро: в дуэли офицерам не отказал, а потом вызвал к себе старшего и предложил ему сделать выбор: жалоба остается в силе, тогда суд над Жоховым и поединок с восемью офицерами. Или Алеамбаров и Жохов, пишут рапорты о списании с корабля, тогда надобность в дуэли отпадает и инциденту не будет дан официальный ход. Старший выбрал второй вариант. Его перевели на черноморский флот, а Жохов попал штурманом на «Таймыр».

Но, как говорят, шила в мешке не утаишь. Молва разнесла историю по всем кораблям, знал ее и Вилькицкий. Однако рассказы о «бунте» младшего офицера на «Андрее Первозванном» не смутили его. Вероятно, опальный офицер был не очень опасным для него конкурентом.

Имя Вилькицкого не сходило с уст у матросов. Команде было не безразлично, кто поведет ледокол в опасное плавание. Стоило Студенову появиться в кубрике, как его забрасывали вопросами о командире. Вилькицкий ему понравился, хотя он, наверное, не мог бы точно сказать, почему именно. Молодой кавторанг был вежлив и обходителен. Словами не бросался, тщательно выбирал выражения, чтобы поняли его именно так, как он того хотел. Поэтому, наверное, даже самые обычные слова звучали в его устах значительно и веско. К матросам обращался вежливо. Студенову он, например, отдавал приказ в такой форме:

— Изволь, братец, вызвать ко мне лейтенанта Жохова.

Когда тот докладывал, что приказание выполнено, командир никогда не забывал сказать ему «спасибо».

Закончив все приготовления, ледоколы 9 июля покинули бухту Золотой Рог и без особых приключений добрались до бухты Эмма, где, как обычно, предполагалось пополнить запасы угля, продовольствия и воды, а затем продолжать движение на север. Но неожиданно заболел начальник экспедиции И. С. Сергеев. Заболел настолько серьезно, что ледоколам пришлось возвращаться в Анадырский лиман, чтобы отправить больного попутным транспортом в Петропавловск. О своей болезни Сергеев сообщил по радио в Петербург. Вскоре оттуда пришло распоряжение — рейд продолжать, исполняющим обязанности начальника экспедиции назначить

Б. А. Вилькицкого.

Кавторанг встретил новое высокое назначение спокойно, как нечто должное. И корабли взяли курс на север. За пятнадцать дней они благополучно обогнули Чукотский полуостров и вышли в Восточно-Сибирское море. Пока корабль двигался по чистой воде, начальник экспедиции весьма толково руководил научными работами. Тщательная обдуманность действий в какой-то степени восполняла отсутствие у Вилькицкого опыта плавания в Ледовитом океане. Но стоило «Таймыру» попасть в непривычную обстановку, как Вилькицкий растерялся.

18 августа вахтенный офицер (тоже новичок на севере) с беспокойством наблюдал за крупными льдинами, которые проплывали мимо ледокола. Льдин становилось все больше и больше. Наконец корабль подошел довольно близко к целому полю, состоящему из отдельных подвижных больших и малых ледяных обломков. Вахтенный послал вестового Ефима Студенова за Борисом Андреевичем. Вилькицкий довольно быстро поднялся на мостик. Несколько минут он молча рассматривал в бинокль полосу льда.

— Что прикажете делать, Борис Андреевич? — не выдержал вахтенный.

Начальник молчал. То ли он не расслышал вопроса, то ли просто не знал, что ответить офицеру. В это время на мостике появились судовой врач Леонид Михайлович Старокадомский и штурман Алексей Николаевич Жохов. Даже беглого осмотра полосы льда опытным полярникам было достаточно, чтобы понять: ничего опасного для плавания нет. Алексей Николаевич собрался уже вернуться в каюту, когда Вилькицкий приказал вахтенному офицеру лечь на обратный курс. Жохов и Старокадомский удивленно переглянулись.

— Что он такое говорит, — тихо произнес Жохов. — Он, верно, нездоров...

— Чепуха. Все объясняется проще: Борис Андреевич впервые столкнулся с настоящим льдом.

— Что вы сказали? — неожиданно спросил Вилькицкий, до которого долетели обрывки фраз.

— Я думаю, можно двигаться вперед, — отозвался Старокадомский.

— Хорошо... Следовать прежним курсом! — распорядился начальник экспедиции, покидая капитанский мостик.

Сцена на капитанском мостике вскоре забылась. Новые, более значительные события заслонили собой минутную слабость Вилькицкого.

...Море ворчало, подпевая шуму сильного и холодного ветра, который

сдувал водяные брызги на гребнях волн и кидал их в румяное лицо вахтенного начальника лейтенанта Жохова. Алексей Николаевич поднял воротник плаща, пытаясь защититься от мелких брызг. Среднего роста, широкоплечий моряк, широко расставив крепкие ноги, словно прирос к палубе.

Было раннее утро. В это время вся команда отдыхала. Не спали только дежурные кочегары, вахтенные матросы и вестовой офицерской кают-компания Ефим Студенов. Знал он, что сегодня дежурит Жохов. Встал чуть свет, чтобы побыть около него.

— Что, тамбовский саламатник, соскучился по дому? — спросил лейтенант.

— Никак нет, ваше благородие! Привык к морю.

— Да брось ты, Ефим. Не в строю стоишь, — поморщился вахтенный начальник. — А в наших краях антоновка поспела. Чудесное, пахучее яблоко. Любишь?

— Так точно!

— То-то и оно. Ты иди, боцман скоро побудку даст...

Вдруг, не договорив фразу, лейтенант рывком поднял бинокль, припал к его окулярам.

— Я вижу сушу! Чепуха какая-то.

Еще несколько минут Жохов внимательно рассматривал далекий кусочек скалистой суши. Корабли находились в таком месте, где нельзя было встретить никаких островов. Но случилось невероятное: глаза лейтенанта все яснее и яснее видели в море таинственный остров. Жохову даже как-то не сразу пришла мысль, что он открыл новую неизвестную ранее землю. А поняв это, почему-то не испытал особой радости.

Ровным и спокойным шагом двинулся вахтенный начальник к каюте Вилькицкого. Громко постучал. Никто не ответил. Борис Андреевич спал обыкновенно крепким сном. Тогда Жохов толкнул дверь и вошел в каюту.

— Борис Андреевич! — Он потряс за плечо начальника экспедиции. — Проснитесь же. Левее курса находится неизвестный остров.

— Полно шутить, Алексей Николаевич, — хрипло со сна произнес Вилькицкий, приподнимаясь на локтях. — Ну какие могут быть в этих водах острова...

— Я знаю, что не должно быть тут суши. И все-таки только что видел левее курса скалистый остров.

Теперь Вилькицкий окончательно проснулся. Ежась от холода,

торопливо оделся.

— Идемте, Алексей Николаевич!

Быстрым шагом они поднялись на мостик. Жохов протянул начальнику экспедиции бинокль. Сомнений не было. По левому борту ледокола, среди морских волн, высились коричневые скалы неизвестного острова.

— Поздравляю, Алексей Николаевич, с географическим открытием! Счастье улыбнулось нам.

Потом начальник экспедиции дал команду изменить курс «Таймыра» и бросить якорь вблизи неизвестного острова. Когда якорная цепь со звоном поползла в воду, в воздух взмыли тучи испуганных кайр и чаек.

— А теперь настал черед поискать среди скал северного Робинзона! — пошутил Вилькицкий. — Будьте добры, Алексей Николаевич, распорядитесь отправить на берег группу матросов и передать радиограмму о том, что экспедиция сделала свое первое географическое открытие. Но прежде потрудитесь определить точные координаты острова, который мы назовем...

— Именем Вилькицкого! — услужливо подсказал кто-то.

— Вилькицкого? — удивленно повторил начальник экспедиции. — Можно, конечно, в память об отце... Но все-таки дайте в Петербург радиограмму: «Открыли неизвестный остров в архипелаге Де-Лонга. Прошу разрешения назвать его именем цесаревича Алексея Николаевича».

Через несколько минут шлюпка с добровольцами направилась к острову. Гребцы старались изо всех сил, так как всем не терпелось поскорее ступить ногой на только что открытую землю. Шутка ли, экспедиции удалось сделать важное географическое открытие в XX веке, когда, казалось, у природы не осталось никаких тайн.

Новые русские владения выглядели мрачновато. Высокие бурые каменные громады отделяли прибрежную полосу острова от центральной его части. Лодка причалила к берегу в том месте, где скалы дальше отступали в глубь суши. На красном песке сонно отдыхала стая моржей. Они лениво переползли, освобождая дорогу странным существам в черных бушлатах и бескозырках. Спокойствие моржей лишний раз свидетельствовало о том, что человек еще не успел испортить с ними отношения. Скалы облепили тысячи птиц, внешний вид которых напоминал уток. Это были кайры. Среди них выделялись крупные белые чайки-бургомистры.

Осмотрев остров, добровольцы возвратились на ледокол. Их сообщений

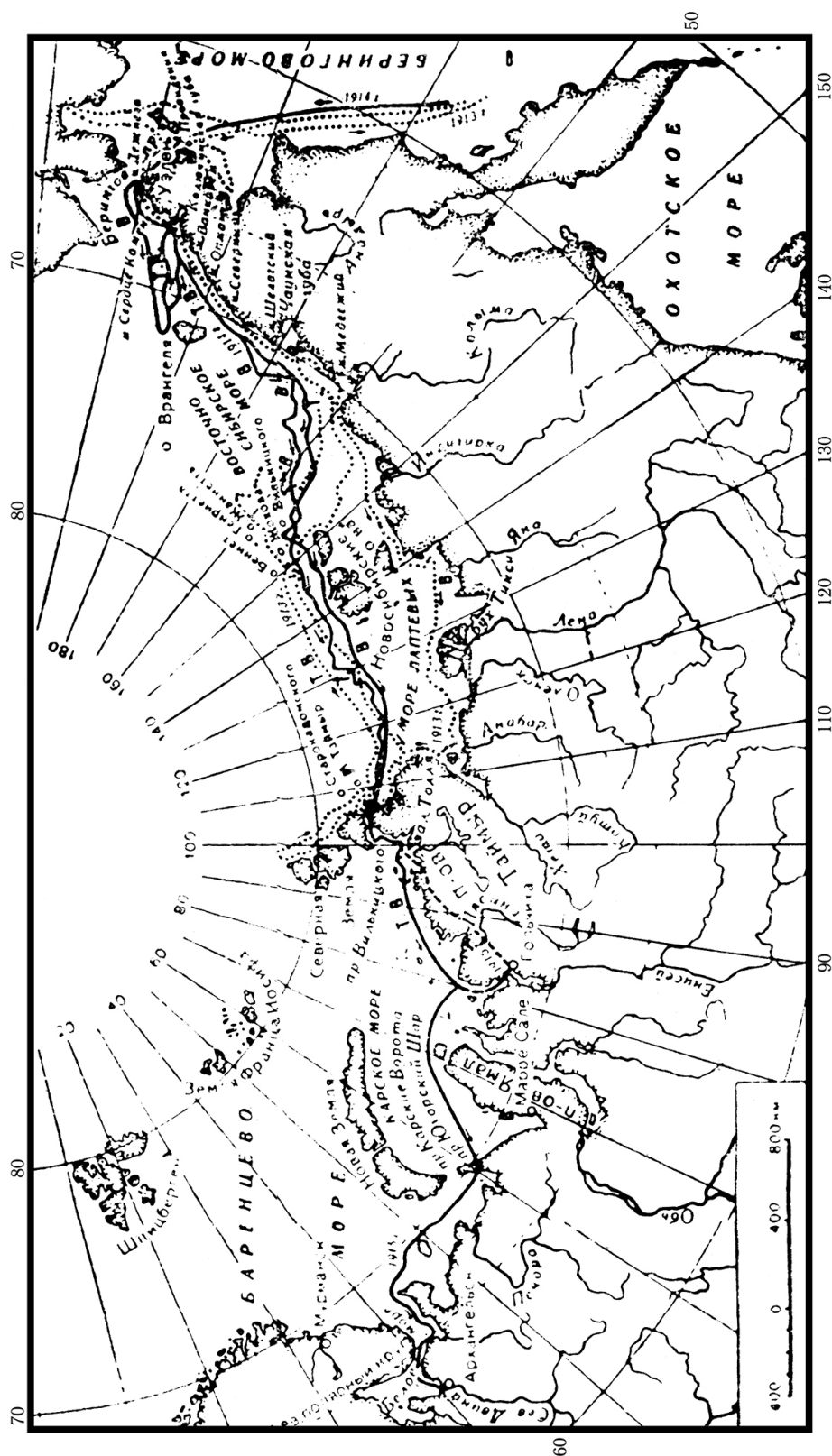

Схема плаваний гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» в 1913 г. и 1914—1915 гг.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ... плавание в 1913 г.
- плавание в 1914—1915 гг.
- Т. В. — совместное плавание ледоколов.
- Т. — участки пути, когда ледоколы двигались отдельно друг от друга.
- В. — участки пути, когда ледоколы двигались отдельно друг от друга.

ждал весь экипаж судна. В матросских кубриках и кают-компаниях только и разговоров было, что об острове, который открыл лейтенант Жохов. Многие были склонны приписать первую серьезную удачу экспедиции везению нового начальника.

— С удачливым начальником нам никакие льды не страшны, — сказал телеграфист Иосиф Никольский, когда к нему в рубку заглянул Ефим Студенов.

— Ты, конечно, прав, Иосиф, Вилькицкому здорово повезло. Но, согласишься, разве это справедливо, что обошли лейтенанта Жохова, который первым увидел остров?

— На кой черт дался твоему лейтенанту этот остров? — возразил Никольский. — Вилькицкий-старший, надо думать, побольше Жохова заслуг имеет на Севере. Старику бы память вечная! А вот зачем царского сынка к острову приплели? Вот вопрос...¹

— Ясно, зачем. В адмиралы метит наш новый начальник!

— Все дело в удаче, — азартно рассуждал Борис Андреевич, — я верю в свою судьбу. Может, нам удастся еще что-нибудь открыть.

— Дай бог, Борис Андреевич. Дай бог, хоть мы люди не больно уж религиозные, — шутил Жохов. — Я, можно сказать, вхожу во вкус участия в географических открытиях.

Судьба, словно вняв просьбе полярников, вновь улыбнулась им. Через несколько часов после начала движения вдоль кромки ледяного массива на капитанских мостиках «Таймыра» и «Вайгача» почти одновременно была замечена справа по курсу темная полоска еще одного неизвестного острова.

Когда на него были высажены добровольцы, они увидели пустынную землю. Только где-то у самого горизонта над скалами кружились чайки. Взяв пробы грунта и отсалютовав выстрелами в честь открытия новой земли государства российского, полярники покинули остров.

СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ

Но самое удивительное случилось ранним утром 3 сентября 1913 года, когда великое открытие случайно сделал судовой врач «Таймыра»

¹ Впоследствии остров был назван именем А. И. Вилькицкого.

Старокадомский.

Каким-то чудом ординатор морского госпиталя в Кронштадте стал в 1909 году врачом ледокольного судна, отправляющегося в столь сложное плавание. Трудно сказать, чем обосновывалось это назначение, так как Леонид Михайлович имел серьезный физический недостаток — у него была ампутирована выше локтя левая рука. Кроме того, Старокадомский очень страдал от морской болезни. Тем не менее Леонид Михайлович в течение шести лет довольно исправно нес санитарную службу на «Таймыре»; закончил службу на Севере уже в 1935 году после участия в экспедиции на ледорезе «Ф. Литке».

В 1913 году Леонид Михайлович был среди офицеров самым старшим по возрасту, ему перевалило тогда за тридцать. Строевой выправкой и аккуратностью врач не отличался. Китель висел на его худой фигуре, как на вешалке. Носил Старокадомский широкую, начинающуюся у висков бороду и пышные усы. В те годы бородачи на флоте были редкостью, офицеры, как правило, отпускали только усы.

Врач «Таймыра» оказался на редкость предприимчивым и деятельным человеком. С первых же дней пребывания на ледоколе Леонид Михайлович взял на себя обязанность судового летописца, изо дня в день заносил в дневник все интересное, что говорилось и делалось офицерами экспедиции. С матросами врач общался редко, передоверив здоровье низших чинов фельдшеру. Кроме того, Старокадомский считался весьма искусным препаратором морских животных.

В ночь со 2 на 3 сентября 1913 года Леониду Михайловичу не спалось. Судовой врач коротал время на капитанском мостике, изредка переговариваясь с вахтенным офицером мичманом Гюне. Часа в четыре утра доктор заметил впереди очертания высокого берега, на котором виднелись горы, покрытые снежными шапками. Врачу было совершенно ясно, что он видит гигантскую неведомую землю. Леонид Михайлович скосил взгляд на Гюне. Рассеянный мичман ничего не заметил, он продолжал смотреть в противоположную сторону от гористого берега. После минутного колебания Старокадомский решил ничего не говорить вахтенному офицеру, а сам отправился к Вилькицкому и сообщил, что обнаружил новую землю.

Так вахтенный начальник мичман Гюне оказался только свидетелем исторического открытия, сделанного медиком Л. М. Старокадомским.

Вскоре на мостик поднялся и лейтенант Жохов. Здесь он застал

начальника экспедиции, Старокадомского и еще нескольких старших офицеров «Таймыра». Их взгляды были прикованы к огромной черной суше, которая тянулась до самого горизонта. Даже невооруженным глазом можно было различить бурый мох, покрывающий прибрежную часть земли. Высокие горы круто обрывались у самой воды. Некоторые вершины достигали пятисот метров.

— Земли-то конца и края нет. Если это остров, то он просто огромен! — воскликнул Жохов. — Скорее всего мы открыли архипелаг...

— Полно, Алексей Николаевич! — рассмеялся начальник экспедиции. — Уж не думаете ли вы, что наш дорогой эскулап открыл Америку в Ледовитом океане?

— А почему бы и не так, Борис Андреевич?

Начальник экспедиции свел к шутке догадку лейтенанта Жохова, так как в первый момент даже не предполагал, что им посчастливилось сделать в сентябре 1913 года самое крупное географическое открытие XX века. Черная полоса суши, которую заметил судовой врач «Таймыра», на самом деле оказалась архипелагом, состоящим из четырех крупных и ряда мелких островов. Все эти и другие подробные данные о Северной Земле (а это была она) почти через двадцать лет добудет уже советская полярная экспедиция под началом Г. А. Ушакова, которая впервые проведет исследование архипелага и нанесет его на карту.

Так будет. Пока же Вилькицкий отдает приказ пройти мимо таинственного острова миль шестьдесят — семьдесят на север. Но определить, что представляет собой вновь открытая земля: один гигантский остров, изрезанный бухтами и заливами, или систему нескольких островов, которые отделены друг от друга проливами, так и не удалось. Ледоколы не могли долго находиться в этом районе. В любую минуту ледяные поля могли сомкнуться и поймать корабли в западню.

Начальник экспедиции приказал водрузить на острове андреевский стяг, установить столб, на котором было написано, что 3 сентября 1913 года гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана открыла эту землю. Личному составу экспедиции зачитали приказ Б. А. Вилькицкого, в котором говорилось: «...Нам удалось достигнуть мест, где еще не бывал человек, и открыть земли, о которых никто и не думал. Мы установили, что вода на север от мыса Челюскина — не широкий океан, как это считали раньше, а узкий пролив. Это открытие само по себе имеет большое значение, оно объясняет многое в распределении льдов океана и дает новое

направление поискам великого пути...»²

Возле мыса Челюскина Б. А. Вилькицкий решил сделать попытку пробиться сквозь льды на запад. 12 сентября в 16 часов «Таймыр» начал штурм ледяной крепости. Отойдя на некоторое расстояние от ледяной стены, ледокол на полном ходу врезался в белую сталь. Маневр повторялся множество раз. Но за целые сутки непрерывных таранных ударов «Таймыр» и «Вайгач» сумели продвинуться на запад не больше чем на три мили. Посчитав, что топлива хватит ненадолго, Вилькицкий решил возвращаться в бухту Золотой Рог.

СЕВЕР ЗОВЕТ

Встреча с Ефимом, его рассказ о плавании по северным морям произвели на Федора Ильина необычайно сильное впечатление. Сам еще того не сознавая, он «заболел» севером. С тех пор во время коротких свиданий с земляком заводил разговор об экспедиции. Интересовало Ильина буквально все: где и как пополняют ледоколы запасы угля и пресной воды, как делают промеры глубин океана, опись малоизвестных островов и проливов и прочее, прочее.

Ефим, чувствуя заинтересованность Федора, рассказывал обо всем охотно, показывал фотоснимки, сделанные во время плавания.

— Ты, сударь мой, как адмирал-инспектор, — шутил он над дотошностью Федора. — По твоему интересу тебе с самим начальником экспедиции беседу надо иметь-с.

Так летели дни, месяцы. В дальние походы корабль не отправляли. Чаще всего маршрут «Смелого» был связан с Русским островом. Здесь находились мастерские и склады Сибирской военной флотилии

Со Студеновым Федор и Семен встречались в это время редко. Только в июне 1914 года Ефим сам навестил земляков и сказал, что скоро ледоколы уходят в новое плавание. И когда на миноносце «Смелый» появился представитель экспедиции, который набирал добровольцев для плавания в 1914 году, Ильин одним из первых изъявил желание продолжить службу на ледоколах. Не захотел отставать от друга и Семен Катасонов, «записался» в

² Пролив и сейчас носит имя Б. А. Вилькицкого.

Кочегарный старшина «Таймыра» Михаил Акулинин в 1915 году. Архангельск.

полярники еще один тамбовец — Михаил Акулинин.

— Какие же вы молодцы, судари мои! — весело воскликнул Ефим, когда узнал о решении друзей. — Теперь-с на «Таймыре» будет целое тамбовское землячество.

Ефим вызвался уладить вопрос таким образом, чтобы всем новичкам-добровольцам пришлось служить на «Таймыре». Но из этой затеи ничего не вышло, так как в самый последний момент выяснилось, что для кочегарного отделения «Таймыра» требуется только один матрос, желательно старшина, а на «Вайгаче» нужен старший отделения и кочегар. Федор и Семен, естественно, расстаться не хотели и после долгих переговоров с инженером-механиком «Вайгача» Андреем Николаевичем Ильинским отправились на новую службу. Михаил Акулинин остался на «Таймыре».

Приняв кочегарное отделение, Федор тут же занялся делом. Работы

оказалось очень много: необходимо было за довольно короткий срок вычистить котлы, привести в порядок все приборы. Неплохими помощниками Ильина были кочегары Иван Ладоничев, Василий Мячин, Михаил Шохин.

Еще в тот день, когда мичман Никольский просматривал его документы, Федор Ильин обратил внимание на высокого и плотного матроса, который, видно, тоже должен был служить на «Вайгаче». Привел его к мичману кто-то из офицеров корабля, сказав, что этого матроса надо оформить как можно быстрее.

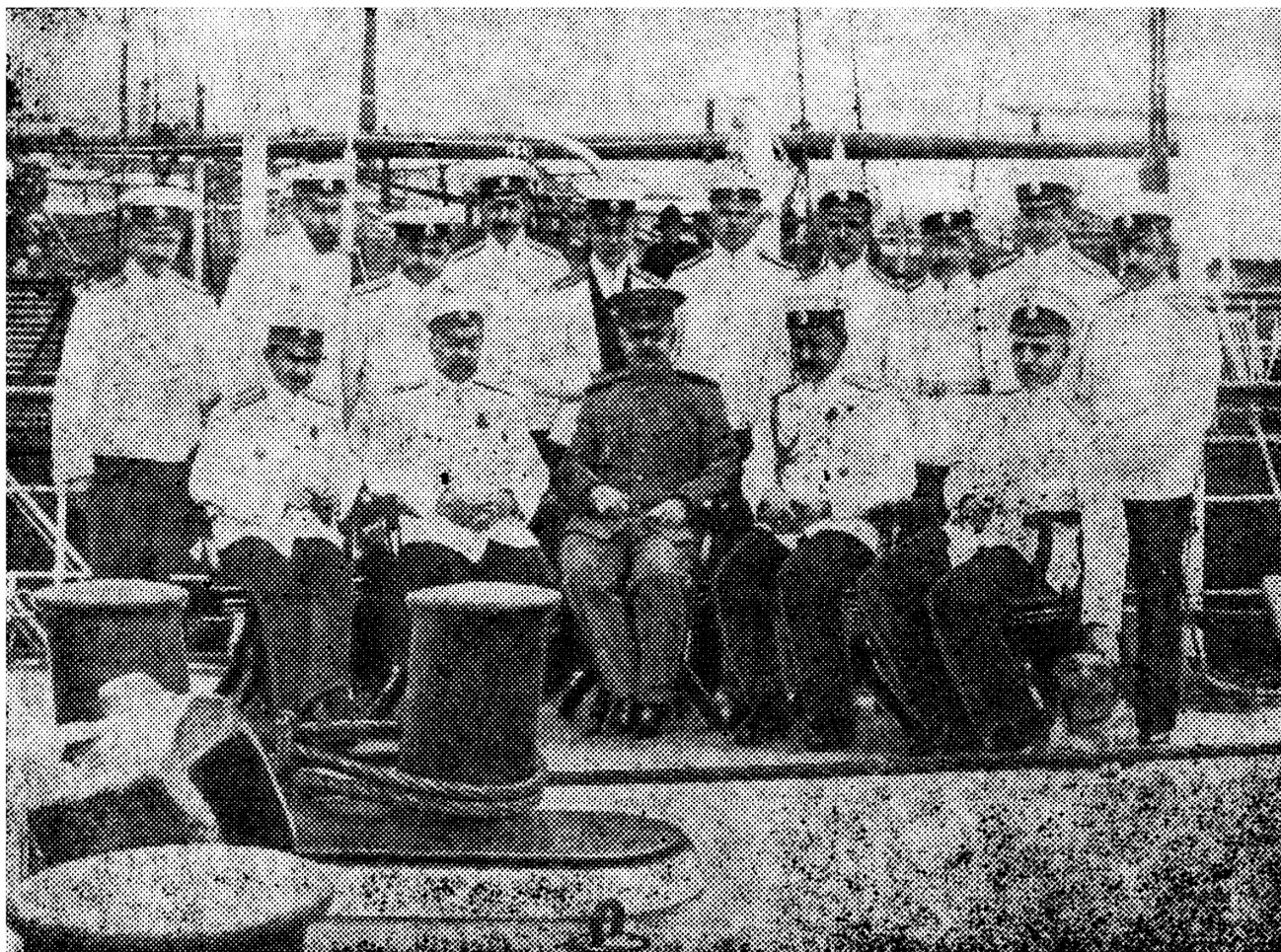
— Это наш телеграфист, — сообщил офицер.

Так Ильин познакомился с Аркадием Киреевым, который сделался потом лучшим его другом. Аркадий считался отличным специалистом: он быстро работал на телеграфном ключе, сносно владел немецким и английским языками, хорошо знал устройство искрового телеграфа, как тогда называли беспроводный радиотелеграф, изобретенный русским ученым А. С. Поповым. «Таймыр» и «Вайгач» имели новейшие по тому времени радиостанции, хотя и маломощные. Связь можно было поддерживать на расстоянии 150 миль.

...Быстро летело время в хлопотах по подготовке к новому плаванию. Все члены экипажа «Вайгача» помогали разгружать уголь, переносить в трюмы новое оборудование и запасы продовольствия. Во Владивостоке стояли на редкость жаркие дни. На бледном, словно выгоревшем небе с утра до вечера раскаленное добела солнце.

В один из таких жарких дней Ефим Студенов, Федор Ильин и Аркадий Киреев, получив увольнительные, сошли с кораблей и встретились в условленном месте на берегу. По дороге из порта в город только и было разговоров, что о предстоящем походе. Федор и Аркадий больше слушали Ефима, бывалого полярника. Для них север был краем сплошных тайн. А чем ближе был час отплытия, тем больше волновались новички, которых временами брало даже сомнение: не зря ли променяли они миноносец на ледокол.

Вслух о своих опасениях Федор и Аркадий почти не говорили, суеверно побаивались накликать беду. Ефим рассказывал, что на «Таймыр» погрузили гидросамолет. Он очень выручит экспедицию во время похода. Стоит летательный аппарат почти вровень с морским кораблем... К гидросамолету приставлены капитан второго ранга летчик Д. Н. Александров и механик Ф. Смирнов. Погрузили меховую одежду и сани.

Июль 1914 года. Этот снимок сделан на борту «Таймыра» за несколько дней до отправления экспедиции в сквозной рейс. Второй справа — Б. А. Вилькицкий (сидит). Стоят: второй слева — Л. М. Старокадомский, шестой слева — А. Н. Жохов.

— Одежда, конечно, может пригодиться, — пояснил Студенов, — а вот насчет санок могу одно сказать-с: приспособлены они под собачьи упряжки. Только собак не было у нас и в прошлый раз, да и теперь покупать-с их никто не собирается, пустое все это дело. Лыж-то и тех на всех матросов не хватает. Да шут с ними, с собаками. Похуже новость имеется.

— Что такое?

— С продуктами не все гладко получается. На обычном корабле имеются запасы продовольствия всего на несколько дней. А на ледоколах нашей экспедиции положено-с иметь года на полтора. Соображаете? Это, значит, на случай зимовки. В прошлые плавания мы до «НЗ» и не дотрагивались. Что ж есть нынче в запасе: крупы, консервы, горох с солониной, соленая кета... Старший офицер и судовой врач докладывали-с недавно начальнику

экспедиции, что качество этих продуктов очень-с скверное. На это Вилькицкий ответил, что зимовать во льдах он не собирается, так как в октябре обязан быть на именинах своей невесты в Петербурге.

— А чего это ты о зимовке заговорил?

— А вот чего. Мне лейтенант Жохов рассказывал про Георгия Брусилова, который раньше нас хотел сквозным путем пройти из Баренцева моря до бухты Золотой Рог. Так его корабль затерло льдами. Где сейчас люди экспедиции, что с ними — неизвестно-с.

— У нас-то не просто корабли, а ледоколы. Их не затрет. Так что зря твоя тревога...

— Дай бог, — улыбнулся Ефим.

Ледоколы вышли в плавание 7 июля 1914 года. И сразу же взяли курс к Сангарскому проливу, чтобы, минуя его, очутиться в Тихом океане с восточной, внешней стороны Курильских островов. Здесь, на юге Курил, берет начало таинственная Курильская впадина, одна из самых глубоких в мире. Ее-то и предстояло исследовать гидрографам экспедиции. Но едва корабли успели пересечь Японское море и достигнуть пролива, как случилась беда — на флагмане вышла из строя трюмно-машинная помпа. Вилькицкий решил произвести ремонт в японском порту Хакодате. На ремонт ушло двое суток.

Исследованию Курильской впадины не благоприятствовала погода. Сильный ветер раскачивал ледоколы. С большим трудом удалось взять пробы воды для химического анализа. А батометр, опущенный на глубину девяти километров, спасти не удалось. Стали выбирать лебедкой металлическую струну, а она лопнула, и батометр ушел в бездну.

Гидрограф «Вайгача» Николай Александрович Транзе сообщил Вилькицкому, что потерял один из двух батометров, и получил приказ: «Вторым батометром ни в коем случае не рискуйте. Без него мы не сумеем полноценно вести научные работы в Ледовитом океане. Работы прекратить...»

Но самое неприятное ждало экспедицию в порте Ном. Когда-то Ном был маленьким поселением эскимосов, откуда в глубь Аляски отправлялись прибывшие морем смельчаки-золотоискатели. Лет за четырнадцать до захода сюда ледокола «Таймыр» недалеко от Номы кто-то обнаружил богатые золотые жилы. Весть о том, что возле городка золото можно добывать обыкновенной лопатой, быстро облетела всю Америку и Старый Свет. Со всех концов ринулись сюда искатели кладов, авантюристы,

торговцы. Город начал строиться. Предприимчивые люди ухитрились даже проложить линию узкоколейной железной дороги, чтобы хоть как-нибудь связать город и порт с золотыми приисками.

«Таймыр» бросил якорь в самую деятельную пору в жизни порта и городка. Сезон золотоискателей и туристов был в самом разгаре. Добытчики золота, добравшись по узкоколейке до Нома, вытряхивали содержимое кожаных мешочков на прилавки многочисленных пунктов приема драгоценного металла. Туристы же жадно скупали у эскимосов сувениры — фигурки из моржовой кости.

Команда почти каждого судна, когда-либо заходившего в портовые воды, старалась выменять у эскимосов их изделия на табак, вино, порох. Некоторые моряки не упускали возможности совершить выгодную сделку и с золотоискателями. И нет, наверное, ничего удивительного в том, что портовое начальство Нома весьма придирчиво знакомилось с каждым судном, появившимся в порту.

Русский ледокол был вне подозрений. Задачи этого корабля императорского военного флота в секрете не держались. Едва «Таймыр» успел бросить якорь, как к нему поспешил катер начальника порта.

— Здравия желаю, господин полковник, — Вилькицкому протянул руку человек с худым узким обветренным лицом и резкими движениями. — Что-то вы медленно поспешали, господа. Крейсер «Бэр» не дождался вас и отправился к острову Врангеля. Капитан бился со мной об заклад, что из-за событий в Европе вы отказались от участия в спасении экипажа «Карлука».

— Какие события вы имеете в виду?

— Да вы что? Война в Европе. Россия уже ведет бои с бошами... Вы и в самом деле ничего не знали? Тогда мой совет: радируйте немедленно своим верховным властям.

Воспользоваться советом портовика не удалось, так как радиотелеграфная станция «Таймыра» не сумела даже установить связь с «Вайгачом», чтобы сообщить его экипажу страшную новость. Ледокол выполнял гидрографические работы у берегов Чукотского полуострова. Только после встречи с «Вайгачом» у мыса Дежнева «Таймыр» отправился в устье Анадыря, откуда через местную радиостанцию связался с Главным гидрографическим управлением, которое подтвердило, что задачи экспедиции остаются прежними.

Пока флагман выполнял роль связного, «Вайгач» настойчиво пытался пробиться к острову Врангеля на помощь канадскому судну «Карлук». Но

сделать это было почти невозможно. Берег от корабля отделяло пятнадцатикилометровое месиво из громадных ледяных обломков. Некоторые торосы возвышались над поверхностью сплошного льда чуть ли не в рост человека.

Командир корабля пригласил на мостик Н. А. Транзе.

— Хочу знать ваше мнение, — сказал он. — Вы опытнее меня, неоднократно ходили на север.

Едва заметная улыбка тронула лицо Транзе.

— Я бы сделал еще несколько попыток! — ответил гидрограф «Вайгача». — Коль скоро и они не увенчаются успехом — отдал бы приказ уходить в море...

— А экипаж «Карлука»? Что подумают о нас зимовщики? Может быть, стоит послать несколько матросов, дабы они пешим порядком по льдинам добрались к острову Врангеля?

— Канадцы — опытные мореходы. Они поймут нас. Тем более, они же сами не делают попыток пройти к нам по льду. А через неделю или две обстановка в районе острова изменится. Тогда крейсер «Бэр», который для того здесь и находится, сумеет снять зимовщиков. Шансов на успех у пешего отряда — почти никаких. Риск же потерять людей огромен...

— Вы, наверное, правы, — после некоторого раздумья согласился П. Е. Новопашенный

Предприняли еще одно наступление на льды, но и оно успеха не имело. Стихия оказалась сильнее мощных ледоколов. В довершение всех бед вышел из строя гребной винт. Между его лопастями, как предполагал механик Андрей Николаевич Ильинский, заклинился лед.

— Выход один: надо спускать водолаза, — доложил Ильинский командиру.

— Действуйте, мичман, да побыстрее, — приказал Новопашенный. — Надо успеть убратся отсюда до тех пор, пока корабль не попал в сильное сжатие.

Чуть ли не вся команда собралась в эти минуты у борта корабля. Даже матросы трюмного и машинного отделений поднялись на палубу. Моряки с любопытством следили, как облачают в резиновый костюм водолаза Ивана Филиппова.

Федор Ильин, Семен Катасонов и еще несколько добровольцев вызвались приводить в движение компрессор, подающий воздух по резиновым трубкам.

В середине августа 1914 года, когда «Вайгач» шел в районе острова Врангеля, между лопастями гребного винта ледокола попала большая льдина. Взорвать ее не удалось, тогда в воду спустился водолаз Иван Филиппов. Он отпилил попавший под винт кусок льдины. На снимке: спуск водолаза Ивана Филиппова у борта «Вайгача».

Спуск Филиппова прошел благополучно. С помощью пилы он освободил гребной винт из ледового плена.

Примерно в это же время в районе вынужденной стоянки «Вайгача» появился и флагман.

Б. А. Вилькицкий пригласил к аппарату Новопашенного.

— Следуйте к Медвежьим островам, — распорядился начальник экспедиции, — проведите разведку положения льдов, сделайте съемку острова Жанетты. Встретимся 30 августа в районе острова цесаревича Алексея.

— А разве мы не будем возвращаться в Ном, чтобы пополнить запасы консервов? — спросил Новопашенный.

— Нет. У нас этого добра хватает. Вы словно сговорились с Жоховым. Кстати, он переводится штурманом на ваше судно, а старшим офицером «Таймыра» я назначаю Транзе.

— Так неожиданно?

— Да, так! Задержимся здесь некоторое время, пока господа Транзе и Жохов перейдут на свои корабли.

За несколько часов до этого разговора с Новопашенным начальник экспедиции вызвал к себе Жохова. Выйдя от начальника экспедиции, лейтенант столкнулся в коридоре с Ефимом Студеновым.

— Случилось чего-с, ваше благородие? — спросил Ефим. — Вы-с, Алексей Николаевич, даже с лица белыми-с сделались...

— Случилось, Ефим. Произошло то, что и следовало ожидать. Не угодил начальнику экспедиции, и дела мои приняли неожиданный оборот: перехожу штурманом на «Вайгач».

— Господи, судари мои, за что же это, Алексей Николаевич, голубчик? Искреннее участие к его судьбе тронуло лейтенанта.

— Спасибо, земляк, на добром слове. Видно, за консервы, которые я предлагал заменить... Но... в общем-то ничего страшного не случилось, кому-то надо служить и на «Вайгаче».

ЛЕДЯНАЯ ЗАПАДНЯ

К утру 27 августа погода ухудшилась, ветер растревожил холодное море, черные волны мощными ударами встречали «Вайгач», который всякий раз вздрагивал от этого, как от сильного озноба.

В такое время работать в кочегарном отделении было особенно трудно. У топки шуровал лопатой вместе с Семеном Катасоновым Михаил Шохин, но скоро совсем выбился из сил.

— Отдохни, браток, — сказал Ильин, беря из рук Михаила лопату. — Раскис ты совсем. Иди в кубрик... Я за тебя вахту постою.

А с капитанского мостика в машинное отделение поступил приказ: «Полный вперед!»

— Федя, поддай жару! — просил старший машинист Петр Колчанов. — Иначе не могу я дать полный...

— Мы так стараемся, что недосуг нос утереть, — отозвался Федор, поглядывая на манометры, стрелки которых очень медленно подползали к нужному делению, хотя топки дышали жаром.

Ледокол в это время пытался подобраться к острову Жанетты, чтобы выполнить его съемку. Но подходы к острову оказались со всех сторон

надежно блокированы ледяными полями. Сделав бесполезный круг в сотню миль, «Вайгач» двинулся к острову цесаревича Алексея.

Сдав вахту и помывшись под душем, старшина кочегарного отделения Федор Ильин мимоходом заглянул к Аркадию Кирееву. После адского шума, который стоял в кочегарке и машинном отделении, Федору казалось, что в радиорубке стоит мертвая тишина. Ильин любил здесь посидеть просто так, прислушиваясь к приятному свисту рации и дробному стуку телеграфного ключа. На сей раз рация не работала, а сам Аркадий спокойно читал какую-то книгу.

— Сижу вот. Попытался связаться с «Таймыром», но ничего не вышло: далеко, видно, мы сейчас друг от друга, моя станция не достает их. А у тебя видок-то скверный. Устал?

— Попробуй пошуруй в нашем пекле! — отмахнулся Ильин. — Ну, пока, брат. Пойду на палубу, хлебну воздуха свежего...

Ветер не стихал. По палубе, вспенясь, носились потоки морской воды, брызги долетали даже до верхнего мостика, где в черном плаще с капюшоном стоял вахтенный офицер. До самого горизонта, где уже виднелся скалистый остров цесаревича Алексея, волнилась чистая вода. Но это никого не успокаивало. Восточно-Сибирское море всегда полно неожиданностей. Еще час назад не видно было даже отдельных льдин, как вдруг перед кораблем появились кочующие ледяные поля. Прозевай капитан, дай возможность ледяному хороводу окружить корабль — все пропало. Сомкнутся поля, попробуй выбраться на чистую воду.

Увидев, что остров, к которому они шли, стерегут льды, командир «Вайгача» решил обойти сушу с севера. Лавируя между отдельными льдинами, корабль успел пройти всего десяток миль, когда прямо по курсу из тумана возникла неизвестная земля. Новопашенный радостно засуетился на мостике. Вся команда сгрудилась на полубаке. Матросы возбужденно переговаривались. Остров был совсем близко. Наконец прогремела якорная цепь. Суровое зрелище предстало перед глазами полярников. Обрывистыми скалистыми берегами и высокими сопками была зажата небольшая полоска береговой отмели. У подножия сопки белел снег. Сейчас же на берег отправилась партия матросов-добровольцев и офицеров. В шлюпку сели новый штурман Алексей Николаевич Жохов, сигнальщик Федор Гончаров, водолаз Иван Филиппов, рулевой Григорий Ленчев. Не утерпел и сам командир корабля.

В глубь острова партия не удалялась. У подножья сопки набрали образцы

пород, подстрелили несколько чаек и куликов. Пока офицеры изучали вновь открытую сушу, матросы соорудили деревянную мачту, на которую подняли русский флаг. Когда шлюпка возвратилась на «Вайгач», к месту события подоспел флагман.

Петр Алексеевич Новопашенный дал радиogramму Вилькицкому: «Открыл новый остров. Площадь его равна примерно 50 квадратным километрам. Растительность скудная, скалы и сопки сложены базальтами. Животный мир беден: встречали только чаек и куликов».

«Поздравляю с новым географическим открытием, — принял Аркадий Киреев ответную радиogramму начальника экспедиции для командира «Вайгача». — Благодарю за сведения. Предлагаю назвать сушу островом Новопашенного».

«Благодарю за честь, — попросил передать Вилькицкому сияющий командир «Вайгача». — Готов выполнить любое ваше задание».

«После короткого отдыха займитесь описью восточного берега острова Новопашенного. Еще раз поздравляю с открытием».

Гордый от сознания того, что его имя появится на географических картах, Петр Алексеевич Новопашенный ходил гоголем.

— Вот видите, Алексей Николаевич! — сказал он Жохову. — Теперь-то вы, надеюсь, признаете, что напрасно сомневались в приказе Вилькицкого насчет съемки острова Жанетты. Если бы не отдавался приказ, то, скорее всего, не появился бы на свет и остров Новопашенного.

— Да, острова Новопашенного, наверное, не было бы! — хмуро отозвался лейтенант.

— Смотрите проще на вещи, Алексей Николаевич! — дал совет Новопашенный. — Не усложняйте свою жизнь и, главное, отношения с высшим командованием. Тогда и вам станет выпадать больше удач...

Через несколько часов, зайдя в каюту командира «Вайгача», лейтенант Жохов застал Петра Алексеевича за работой над картой.

— Вот, Алексей Николаевич, первая карта, на которой нанесен новый остров! — торжественно произнес Новопашенный, протягивая Жохову десятиверстку. — Внес, так сказать, исправления.

Лейтенант увидел небольшой кружок и черной тушью написанное название: «Остров Новопашенного».

И уж, конечно, командир «Вайгача» не мог предполагать, что остров будет носить его имя всего три года. Молодая Советская республика даст ему новое имя, имя Алексея Николаевича Жохова. Так будет. А пока...

Федор Ильин проснулся от каких-то странных звуков. Несколько минут он лежал неподвижно, пытаясь понять, что случилось. Потом достал часы. Была полночь. Значит, проспал не больше четырех часов. Сон был необыкновенно глубоким, каким может только спать человек, смертельно уставший за день. А день выдался для кочегарного старшины очень горячим, такого не случалось за всю его службу на флоте. Почти целые сутки «Вайгач» крутился и изворачивался, лавируя между ледяными полями. Но в какую-то минуту корабль не уберегся: сомкнулся круг, который образовали вокруг ледокола подвижные ледяные острова. Как пойманный тигр остервенело бросается на стенки клетки, так и «Вайгач» кидался на льдины, пытаясь выбраться на чистую воду. Но все усилия оказались безрезультатными.

Последний раз счастье улыбнулось экспедиции 27 августа, когда «Вайгач» открыл новый остров. Начав отсюда движение на запад порознь, ледоколы попали в полосу сплошных льдов. «Таймыр» и «Вайгач» не сумели довести до конца ни одного дела из серии работ, которые намечалось ранее выполнить в районе Северной Земли и Таймырского полуострова. Свидание кораблей состоялось в первых числах сентября вблизи мыса Челюскина. Тщетно ледоколы пытались пробиться сквозь ледяную лавину, которую течение и ветер несли с запада на восток. Север обрушил на экспедицию все свои главные ударные силы — снег, метели, туманы, сильный ветер.

...Звуки, которые разбудили Федора, повторились. Точно молотом кто-то бил по стенам корабля, царапался и скрежетал стальной обшивкой. Казалось, гигантское существо пытается ловчее ухватить ледокол, чтобы раздавить его, как давили мы щипцами грецкие орехи.

«Началось сжатие! — мелькнула тревожная мысль. — А это значит, что не исключена выгрузка на лед».

Ильин наскоро оделся и пулей вылетел из каюты, направляясь в котельное отделение. Мерный гул машин заглушал треск переборок и шпангоутов, но и кочегары поняли, что случилась беда. Корабль накренился на правый борт.

— Котлы гасить не будем, но на всякий случай надо подкинуть в топки шлак, — распорядился Ильин, оценив обстановку. Старшина и сам взялся за лопату. Действовать надо быстро, так как держать котлы под большим огнем при сильном крене было опасно.

Следом за кочегарным старшиной в отделении появился Ильинский. Он, одобрив действия старшины, заторопился в машинное отделение. Вскоре

сжатие прекратилось. Федор поднялся на полубак. Шел мокрый снег. Вокруг судна столкнувшиеся льдины образовали целые горы, а кругом — бесконечная ледяная пустыня. Чистой воды нигде не видно. Ледокол оказался в западне.

«Вайгач» понес серьезный урон. Корабль, выдираясь из плена, потерял лопасть гребного винта, кое-где разошлась обшивка, и в трюм хлынула вода. Правда, ее вскоре откачали, а течь быстро заделали.

Федор, улучив свободную минуту, забежал к Кирееву.

— Как там наш «сударь» на «Таймыре» поживает? — спросил Федор друга после обычных приветствий.

Аркадий поднял на Федора красные от бессонницы глаза. Видно, радиотелеграфист совсем не покидал рубку.

— «Сударь» наш пока здоров, но пережил Ефим, наверное, порядком, — отозвался Аркадий. — Флагман попал в настоящий переплет. Всей команде меховую одежду выдали, продукты и оборудование подготовили к выгрузке на лед. Ледокол вмятины сильные получил, пробоины, вода некоторые каюты затопила, добралась до котельной и машинного отделения. Если бы сжатие продолжалось, то взрыв случиться мог.

— А теперь-то как у них там?

— Недавно сообщили, что воду из кают откачали, в трюме сейчас работают...

Аркадий не успел закончить фразу, так как в наушниках раздался настойчивый писк. Киреев сделал Федору знак сидеть тихо, а сам, вращая ручку радиоприемника, пытался улучшить слышимость. Когда неизвестная радиостанция умолкла, Аркадий отстучал ключом условные сигналы, спрашивая ее местонахождение. Ответа не последовало. Несколько минут Киреев жадно вслушивался в шум эфира, потом снял наушники.

— Чудеса, Федя, какие-то творятся, скажу я тебе, — молвил наконец Киреев. — Вчера поймал в эфире станцию. Судя по тексту передач, находится она на судне. Я ее слышу, а она меня — нет. Никольский на «Таймыре» тоже засек эту волну. Подожди, кажись, опять работает...

Аркадий надел наушники и через минуту быстро застучал ключом, сообщая в эфир название экспедиции и местонахождение «Таймыра» и «Вайгача».

И вдруг — радость! Киреев принял долгожданный ответ: «ок», что означало — «ясно слышу». Но затем станция на несколько минут вовсе замолчала. Во время этой паузы Аркадий успел связаться со своим коллегой

на «Таймыре». Теперь Киреев и Никольский оба с нетерпением ждали возобновления работы неизвестной станции.

Наконец-то, видимо, доложив новость своему начальнику, радист «рассекретил» себя. Оказалось, что радиостанция принадлежит русскому судну «Эклипс», которое вело розыск экспедиции Г. Л. Брусилова. Поисками руководит норвежский исследователь Отто Свердруп. Радист «Эклипса» Дмитрий Иванов все это время пытался связаться с мощной радиостанцией, находящейся на Югорском Шаре, чтобы с ее помощью передавать сообщения в Петроград. Пока сделать это Иванову не удалось, хотя его передатчик мог действовать в радиусе 800 километров. Но, как говорят, нет худа без добра. Мощные позывные «Эклипса», адресованные на Югорский Шар, помогли установить постоянную радиосвязь с ледоколами «Таймыр» и «Вайгач». Для экспедиции Б. А. Вилькицкого это обстоятельство имело исключительно важное значение, так как именно с помощью Иванова в конце концов удалось передать в Главное гидрографическое управление сообщение, что оба ледокола находятся во льдах. Родные и близкие членов экспедиции узнали наконец, что их сыновья, мужья, братья живы и здоровы.

Федор Ильин собрался уже покинуть Киреева, когда в радиорубку зашел лейтенант Жохов.

— А, старый знакомый! Здравствуйте, старшина! — улыбнулся Алексей Николаевич. — Струхнул нынче, когда сжатие началось? Да ты сиди, сиди...

— Никак нет, ваше благородие, — бодро отозвался Федор. — Не успел страх подобраться: пока мы у котлов шуровали, сжатие-то и прекратилось...

Узнав, что Киреев установил связь с судном, которое ищет экспедицию Георгия Брусилова, лейтенант оживился, забросал Аркадия вопросами: кто начальник экспедиции? Где она находится сейчас? Известно им что-нибудь о Брусилове? Радист сумел ответить только на первый вопрос. Остальное обещал узнать у Иванова, с которым договорился выйти на связь утром следующего дня.

— Можно задать вопрос, ваше благородие? — спросил Федор, выбрав удобный момент. — Что с нами-то будет? Сумеет ли пробраться в Архангельск?

— Забудьте пока про Архангельск, — после минутной паузы, поскучнев лицом, ответил Алексей Николаевич. — Мы в западне. Зимовка, я думаю, неизбежна... Не повезло нам, Федор. Не повезло. Прошлые плавания проходили куда удачнее.

Слова лейтенанта Жохова оказались пророческими.

Вскоре начальник экспедиции утвердил строгое расписание и рацион питания на время вынужденной зимовки кораблей. Зимовка экспедиции началась.

В первые дни команды ледоколов жили и действовали почти в обычном ритме. Забот и у офицеров, и у матросов было, как говорят, по горло. Машинисты занялись разборкой и консервацией главных машин и всех вспомогательных механизмов. Федор Ильин и другие нижние чины кочегарных отделений принялись за чистку котлов. Матросы сооружали на верхней палубе тенты для защиты от ветра, заделывали запасные выходы. Борты кораблей, обложили для утепления слоем снега, а с верхних палуб сделали деревянные сходни.

В конце сентября старший офицер флагманского корабля Николай Александрович Транзе отобрал группу матросов для работы на берегах залива Дика, близ которого находился в ту пору «Таймыр». На берег вместе с Транзе высадились Ефим Студенов, Михаил Акулинин и еще десять матросов. Они доставили на холмистую местность большие ящики, в которых хранились ранее детали гидроплана. Ящики устанавливали не очень далеко от моря, на тот случай, если сжатие льдов заставит команду покинуть корабль. В ящики-домики сложили такое количество мясных консервов, которых хватило бы для питания 50 человек в течение 40 дней. Затем матросы собрали в кучи весь найденный на берегу плавник, чтобы зимой его не занесло снегом. Аварийная «квартира» была готова.

Только в середине октября Б. А. Вилькицкий издал приказ о ведении научных работ во время зимовки. 18 октября Аркадий Киреев принял радиogramму начальника экспедиции командиру «Вайгача». В ней говорилось:

«Благоволите приступить к составлению полного самостоятельного отчета согласно инструкции отчетности по гидрографическим работам, в первую очередь проложите промер и съемку, зимой займитесь обработкой журналов. Научные наблюдения ведите возможно шире и разностороннее, постройте дождемер, ведите наблюдения над образованием льда, возможно обстоятельную регистрацию сияний, установите минимальный термометр на расстоянии от корабля и организуйте все, что найдете нужным и интересным».

Указания Б. А. Вилькицкого многие офицеры приняли с удовлетворением, так как им было известно, что самое губительное для

любых зимовщиков — праздность. Безделье вызывает уныние и тоску. Надо заставить людей двигаться, работать физически, чаще выходить на свежий воздух.

Для личного состава ледоколов все эти полярные правила имели особо важное значение, поскольку экспедиция не была рассчитана для многомесячной зимовки во льдах. Во-первых, на пароходах просто не было помещений для нормальной жизни всей команды в таких условиях. Во время плавания не ощущалась теснота, поскольку треть экипажа находилась на вахте. Во-вторых, многие офицеры и матросы не были морально подготовлены к зимовке, к борьбе с трудностями и лишениями, которые в условиях Арктики неизбежны.

На кораблях было разработано специальное расписание, в котором предусматривалось, чтобы экипажи ледоколов не менее четырех часов были заняты полезным трудом и прогулками на свежем воздухе. Но такой распорядок дня в какой-то степени выполнялся, пока стояли светлые дни. После 31 октября, когда наступила долгая полярная ночь, которая длилась 103 суток, сильные морозы, пурга и густые сумерки очень часто заставляли людей сутками проводить время в холодных, темных и тесных жилых помещениях. Тяжести зимовки усугублялись еще и тем, что с августа 1914 года и практически до февраля 1915 года отсутствовала какая-либо связь кораблей с Большой землей. Родные и близкие все это время ничего не знали о судьбе полярников. Ничего толком не знали и зимовщики о событиях на германском фронте.

Только 20 января радисту «Эклипса» Д. И. Иванову удалось в конце концов установить связь с радиостанцией на Югорском Шаре. Первым делом в Петроград передали сообщение с указанием места зимовки ледоколов и «Эклипса». В ответ получили телеграмму Главного гидрографического управления, написанную еще в августе 1914 года... Связь с Югорским Шаром оборвалась так же неожиданно, как и возникла. Только от случая к случаю удавалось получать телеграммы и передавать сообщения в центр через «Эклипс» и Югорский Шар.

В последний день января разразилась пурга. Она выла так, словно тысячи волков, сменяя друг друга, соревновались по части голоса. Пурга хватала за лицо, забиралась под бушлаты зимовщиков, студила кровь. Выходить в такую непогоду из кубрика, где горит уголь в печурке, было сущим наказанием. А выходить надо. Потом потеплело. С 4 февраля вновь ударил мороз.

Федор Ильин появился в кубрике вместе с облачком холодного воздуха.
— А морозец нынче точь-в-точь, как у нас на Тамбовщине на крещение!

Федор стряхнул снег с бушлата, снял рукавицы, плюхнул на печурку ведро со снегом, подсел к камельку, протянув к огню озябшие руки.

— Тебя, старшина, только за смертью посылать, — с обидой упрекнул Федора Иван Ладоничев. Он давно мучился болями в животе. — Мы уж тут решили, что тобой белый медведь закусил.

— В таких местах даже медведи не живут, — усмехнулся Федор.

Федор ходил за куском слежавшегося снега. Питьева вода кончилась, а пить всем хотелось страшно. Опять в обед ели щи с солониной, а на второе — горох с солониной.

— Солонина воду любит, — сказал Иван Филиппов. — А у меня, к сведению некоторых любителей, сахарок имеется.

— А у меня заварка есть! — сообщил Федор.

— Чаевничать, значит, будем? — спросил Киреев.

— Чайку? Это можно. Но сперва надо снегу натаять, — перебил Киреева Филиппов.

— А чья нынче очередь? — спросил Федор.

— Твоя, Федя! Твоя.

— Неужто моя? — притворно удивился кочегарный старшина. — Да я совсем недавно бегал...

Ходил за снегом Федор и в самом деле долго, так как по пути заглянул на камбуз. Несколькими словами перебросился с коком Иваном Ханявкой.

— Пятый месяц зимовки пошел, а кажется, годы минули, — с тоской произнес Иван. — Спасибо, что у меня работенки хоть отбавляй. Скучать некогда, на всякие мысли времени не остается. А как ты, Федор? Маешься? В кочегарке своей, наверное, с осени не был?

— Туговато всем нынче, — вздохнул Федор. — Лучше бы мы с Семеном на своем миноносце «Смелом» лямку тянули. Там, конечно, не мед, но все-таки лучше этого ледяного царства. В кубрике дышать нечем и проветрить нельзя, по утрам и так больше пяти градусов не бывает.

— Вот так, браток, и учит жизнь уму-разуму...

— Ведь как Вилькицкий обещал. К зиме, мол, или во Владивосток вернемся, или в Архангельске якорь бросим. А получилось, что с льдинами в обнимку время коротаем. Тоскуют братишки. Я тебе про моих кочегаров скажу. Сам знаешь, как трудно им во время рейса, а сейчас у всех одно желание: плыть, делать что-то полезное, готовы по двенадцать часов в

сутки уголек в топку бросать, лишь бы не сиднем сидеть. Намедни группу подбирали для всяких научных опытов. От добровольцев отбоя не было. Одно только и сердце греет — ждет Россия, когда мы самую северную дорожку проложим. Без этой веры в нужность нашего дела и руки на себя наложить недолго.

На некоторое время оба приумолкли, каждый думал о чем-то своем. Федор вспоминал товарищей по миноносцу, веселый кубрик, летние улицы Владивостока. Какими незначительными и мелкими представлялись теперь трудности, которые там, на миноносце, казались невыносимыми... Даже вахта во время шторма выглядела сущим блаженством по сравнению с «отдыхом» в ледяном царстве.

— Аркадий ничего нового про военные действия не слышал? — спросил кок.

— Вроде наши наступают.

— Куда, брат, наступают? Зачем? Вот вопрос.

— А этого не передают по телеграфу. Может быть, шифр какой есть, специально для офицеров. Для них даже во время зимовки особые условия.

— Ну, браток, тут ты хватил через край, — перебил Ильина кок. — Зимовка на севере для всех трудна. Питание для всех одинаковое. Было, правда, кое-что повкуснее, чем горох с солониной. Но... теперь почти ничего не осталось. Тают запасы продовольствия, а пополнять их нечем. Надежды на охоту оказались обманчивыми. Мяса бы нам свежего сейчас. Доктор Арнгольд никаких каш есть не может. Впроголодь живет, а сладить со своим организмом не в силах. И с лейтенантом Жоховым совсем плохо...

— А что с ним? — встрепенулся Федор Ильин.

— Нездоров. В чем только и жизнь держится: одни кости да кожа остались...

— Неужто нельзя для него ничего сделать?

— Почему нельзя. Докладывал я врачу. Прописал он из своих резервов для лейтенанта банку сгущенного молока на два дня. Больше, говорит, не могу...

Распрощавшись с коком, Ильин заторопился выполнить поручение товарищей. Выбравшись на верхнюю палубу, увидел, как в белом одеянии спит «Вайгач», засыпанный снегом. Снасти заиндевели. Реи, сходни покрыты хлопьями инея.

Федор быстренько сбежал на лед, скорым шагом миновал сделанные из снега и брезента метеорологические будки, набрал полное ведро лежалого

После полярной ночи солнце в первый раз появилось 15 февраля 1915 года. На «Вайгаче» событие отметили карнавалом. На «Таймыре» утром состоялась встреча «солнца» с экипажем. «Солнце» явилось со свитой, в составе которой был Ефим Степанович Студенов в костюме эскимоса и с гарпуном в руке. В этой одежде и запечатлел матроса фотограф.

снега, крепкого, как лед. Потом залюбовался северным сиянием. На самом горизонте светило золотисто-желтоватое зарево. От него во все стороны и к зениту расходились неяркие малиновые, зеленые, розовые лучи-полосы. Они то разгорались, то меркли, постоянно меняя цвет и очертания. Казалось, что невидимый волшебник освещает тысячами разноцветных прожекторов прозрачный небосвод. Впечатление сказочности северному сиянию придавали необыкновенная прозрачность лучей. Сквозь их нежное свечение проглядывали яркие звезды.

— А морозец нынче точь-в-точь, как у нас на Тамбовщине в крещение, — повторил Федор, грея руки у камелька. — Аркаша, поди на два слова.

В кубрике, в двух шагах от печурки, было очень холодно, светильники отбрасывали на белые от инея стены подвижные тени сидящих. Стекла иллюминаторов толстым слоем наглухо запечатал лед. Естественно, что те, кто спал вдалеке от печурки, утром дыханием отогревали застывшие руки.

Сюда, в морозильник, и подвел друга Федор Ильин, чтобы рассказать о беде, в которую попал штурман Жохов.

— Дело дрянь, — рассудил Киреев. — Но ума не приложу, чем и как мы сумеем помочь лейтенанту.

— Как чем? — удивился Ильин. — Надо обязательно сходить к судовому врачу.

— Можно, конечно, но какой смысл в этом. Не думаю, что просьба кочегарного старшины и телеграфиста сможет что-либо изменить в судьбе лейтенанта. А потом... Потом... Дней двенадцать назад я сам видел Жохова. Худой он — это верно. Ну, а кто нынче не худой на «Вайгаче».

— Тогда сделаю так: поговорю с фельдшером Мизиным, — сказал Федор.

— Это другое дело! Василий Мизин нам ровня.

Мизин несколько успокоил Ильина.

— Болен, Федор, ваш земляк, — сказал он кочегарному старшине. — Слег второго февраля, а за медицинской помощью обратился шестого. И это, думаю, потому, что отношения штурмана с доктором Арнгольдом плохие. Больной жаловался на тошноту, рвоту и головокружение. Доктор предполагает, что у лейтенанта катар желудка.

— Это очень опасно?

— Нет. Арнгольд сказал, что угрожающих жизни явлений он не обнаружил. Кушать надо лейтенанту. Ослаб он...

В тяготах и невзгодах проползли пять долгих месяцев ледяного плена. Однообразная и мертвая снежная страна со всех сторон окружала два ледокола, вмерзших в мутно-синеватую глыбу льда. Мир стал совсем маленьким, когда солнце, подмигнув зимовщикам лучистым взглядом, на сто с лишним суток покинуло царство снежной королевы. У холода, тесноты в кубриках, скверной пищи появился могучий союзник — полярная ночь. Мрак. Его гнетущую силу в той или иной степени испытал на себе каждый участник зимовки. От мрака в щемящей тоске сжималось сердце, от мрака делались раздражительными самые веселые и жизнерадостные.

Полярная ночь обнажила характеры людей, отбросила все наносное и искусственное. И в самом деле, какой смысл рассказывать байки соседям по кубрику о собственной храбрости, если все знают, что вчера ты не смог заставить себя на сто шагов отойти от ледокола.

Перед угрозой повторной зимовки (а такое вполне могло случиться, так как вырваться из объятий льдов своим ходом ледоколы сумели бы только при определенных температурных условиях) несколько сократились

различия между матросами и господами офицерами. Перед лицом смерти все были равны: ни дворянское звание, ни золотые погоны сами по себе не могли согреть или накормить.

— За жизнь надо бороться! — внушал своим больным судовой врач «Вайгача».

— Бороться хорошим настроением? — в тон врачу произнес его любимую фразу лейтенант Жохов.

— Вы совершенно напрасно злословите, господин Жохов, — обиженно поджал губы Арнгольд. — Именно для вас хорошее настроение — лучшее лекарство.

— Так дайте мне его, черт побери! — воскликнул больной, поднимаясь с койки.

— Ради бога, успокойтесь, — перепугался врач.

Сил у больного хватило как раз на эту вспышку. Жохов в изнеможении упал на подушки, облизывая пересохшие губы.

— Дайте воды, — тихо проговорил он. Утолив жажду, лейтенант попросил прощения у врача за резкий тон. — Не обращайтесь на меня внимания. Нервы...

Положение больного было очень тяжелым. Вот что свидетельствует по этому поводу главный врач экспедиции Леонид Михайлович Старокадомский:

«Перевод сильно подействовал на Жохова. Он стал нервничать, часто впадал в мрачное настроение. От прежнего жизнерадостного Жохова, каким мы его знали на «Таймыре», не осталось и следа. Он сделался угрюмым, молчаливым, чувствовал себя на «Вайгаче» чужим человеком. Постоянно держался особняком. Одиночество его очень угнетало.

С наступлением полярной ночи состояние Жохова резко ухудшилось. Избалованный в пище, он никак не мог привыкнуть к консервам. «Наш стол, — писал мне впоследствии о нем врач «Вайгача» Арнгольд, — сделался для него противным, и он перестал совершенно есть или ел несуразно... С первых чисел января у него началось, в сущности говоря, голодание... Он начал проводить все время в каюте, просыпая целый день... К обеду он совсем не появлялся, к ужину выходил, но почти ничего не ел».

В половине февраля Жохов до того ослаб, что слег. Он упорно не хотел обращаться к врачу. Только через других лиц удалось наконец переубедить больного. Врач Арнгольд, осмотревший больного 19 февраля, отметил: «Решительно ничего не нашел, но общий вид отчаянный».

Спустя пять дней было произведено исследование, показавшее, что у больного тяжело поражены почки.

27 февраля с «Вайгача» на «Таймыр» передали радиogramму, в которой сообщалось, что лейтенант Жохов серьезно болен и судовой врач «Вайгача» рассчитывает на мою консультацию. Новопашенный вместе с тем предупредил, что сейчас консультация еще не нужна, так как «пока непосредственно угрожающего не заметно». Однако я не стал дожидаться специального вызова и начал готовиться к походу на «Вайгач». (Ледоколы находились друг от друга в шестнадцать миль. — И. С.)

Дул сильный восточный ветер. Мела поземка. Потеплело до —27 градусов.

На «Вайгач» сообщили: «Доктор выйдет при первой благоприятной погоде, зажигайте фонарь». Тотчас же с «Вайгача» ответили, что просят не беспокоиться — «пока нет необходимости».

У нас все было готово к походу: вещи собраны, подготовлены маленькие санки. Я с тремя матросами собирался выйти, как только утихнет ветер. Но весь день 28 февраля ветер дул с еще большей силой. А на другой день пришло печальное известие, что утром лейтенант Жохов скончался от уремии».

За несколько дней до официального сообщения Арнгольда своему медицинскому руководителю на флагмане о положении Жохова радист «Таймыра» Никольский принял радиogramму: Алексей Николаевич просил к себе Николая Александровича Транзе. Тот немедленно пошел к начальнику экспедиции за разрешением взять двух-трех матросов-добровольцев для похода на «Вайгач». Разрешение было получено. Тогда лейтенант отправился в кубрик, где прочитал матросам радиogramму. Старший офицер не скрывал трудностей похода в полярной ночи. Расстояние между кораблями было всего шестнадцать миль. Но каких миль! Пространство, почти сплошь изрезанное торосами, образовавшимися еще поздней осенью.

И все-таки охотников разделить с Транзе трудности похода нашлось так много, что лейтенант оказался в затруднительном положении, кому из энтузиастов отказать.

Шли очень долго, на ходу подкрепляя силы сухарями и шоколадом. Наконец, когда по расчетам лейтенанта они прошли все расстояние, а огня с «Вайгача» все еще не было видно, сделали привал. Разбили палатку, поели, согрелись горячим чаем. После этого начали обсуждать свое положение. Курс на «Вайгач» держали верно. Пройденное расстояние определили

точно. В этом ошибок быть не могло. Оставалось предположить, что ледяное поле во время перехода несколько развернулось, а потому и курс изменился. Николай Александрович решил идти на запад.

Однако, не считая себя вправе подвергать своих спутников опасности, он предложил матросам такой план: они остаются в палатке на месте. Из связанных лыж делают мачту, на который крепят керосиновый фонарь. Транзе один идет прямо на запад в поисках огня «Вайгача». Если увидит его скоро, он вернется на огонь и они вместе пойдут на «Вайгач». Если не скоро, но расстояние до «Вайгача» для него будет ближе, он пойдет на «Вайгач», а за матросами придет партия с корабля. Если же он огня вообще не увидит, то возвратится обратно.

«...Взяв шоколад, сухари и винтовку, а также кинжал из своего мешка — браунинг для этого похода у меня был в кармане, — я пожелал моим товарищам «до скорой встречи» и пошел один в темноту на запад, — писал через несколько лет Н. А. Транзе. — Отсутствие теней сильно мешало: не видно ни впадин во льду, ни выступлений на льду. Часто падал.

При сильном морозе раздавался порой треск льда и торосов. Шел целый час, не видя огня по курсу... Если взятое мною направление верно, то «Вайгач» уже недалеко от меня. Решил идти дальше. Чаше и чаще всхожу на вершины торосов — огня нет. Вдруг мозг неожиданно пререзает краткая фраза телеграммы с «Вайгача», полученная нами накануне выхода: «Будьте осторожны, сегодня впервые видели следы медведей».

Холод пробегает по спине, нервное воображение разыгрывается. При неожиданном треске льда вблизи невольно сжимаешь винтовку, трогаешь кинжал, браунинг. Рисуеться нападение медведя и как я, пустив в ход кинжал и браунинг, хотя и с сильным повреждением для себя, справляюсь с ним. Вот когда я пожалел, что не было со мной моей чудной чукотской лайки Чукчи, которую я оставил на «Вайгаче» при переводе на «Таймыр». Ведь медведь меня может почуять издалека, в то время как я узнаю о его присутствии уже будучи под ним. Время течет убийственно медленно. Проходит еще полчаса, а огня нет!

Начинаю сомневаться в логике своего размышления, в постройке плана действий. Впервые закрадывается сомнение, а не на восток ли надо было идти. Подсчитанный в уме угол расхождения курса увеличивает сомнения. Не повернуть ли к палатке, пока не поздно? Решил, однако, пройти еще полчаса. Очень тяжелы были эти последние полчаса! Медведи, сомнения, ошибка в расчете, неизбежная гибель партии и самого себя, если теперь не

найду ни того, ни другого огня — все это сильно и навязчиво сверлит мозг.

Взбираюсь на торос и испуганно от него отскакиваю, валюсь из-за раздавшегося за ним треска, точно из пушки. Психологически работая над своим воображением, успокаиваю свои нервы. Вновь взбираюсь на вершину и... прямо по курсу и невдалеке открылся огонь! Оставляю воображению читателя пережитое мной в эту секунду: ни медведи, ни треск льда, ни отсутствие теней уже не имели места в моем мозгу. Почти бежал я на огонь, постоянно от меня скрывавшийся за торосами, и часто падал.

Поднявшись на верхнюю палубу «Вайгача», я неслышно спустился в кают-компанию. Надо было видеть изумление моих друзей, увидевших меня одного!

Внеся с собой холод полярной ночи в помещение корабля, я, разоблачась, объяснил Неупокоеву, где я оставил своих компаньонов, расстояние до них, направление, огонь на мачте лыж, условия льда и т. д. Сейчас же партия с Неупокоевым и Никольским отправилась на поиски моих верных сподвижников этого незабываемого в полярную ночь путешествия. Ударный переход был сделан меньше чем за сутки.

Через несколько часов мы были все вместе, а до этого я уже сидел в каюте своего больного друга Жохова.

Застал я его в тяжелом положении и физически и морально, не потому, что он жаловался на что-нибудь, а потому именно, что он уже ни на что не жаловался и был в состоянии апатии почти все время, в течение тех дней, что я провел с ним до его кончины...

Ушел он в экспедицию женихом. Жил мечтой о невесте, свадьбе, встрече будущей жизни. Теперь же, когда мне порой удавалось навести его мысли на то, что так дорого и глубоко было на его сердце, — он на минуту оживлялся, чтобы еще глубже впасть в апатию, выявляя полное безразличие ко всему.

Он просил меня похоронить его на берегу и вытравить на медной доске написанную им эпитафию и повесить ее на крест, сделанный из плавника, с образом спасителя — благословение его матери.

Все это мною было свято выполнено.

Жохов был большой поэт, и еще в Морском корпусе он писал стихи и посылал их в периодические издания под разными псевдонимами, где никогда не отказывали ему в печатании их. Свою эпитафию Жохов написал еще до моего прихода на «Вайгач» и сам прочел ее мне, сделав последние поправки.

Пророческими оказались слова его: он умер, не видя восхода солнца после долгой полярной ночи.

Вечная память другу, честному человеку, недюжинному поэту, достойному офицеру!

По окончании приготовлений к погребению и с первой сносной погодой гроб с покойным А. И. Жоховым, покрытый андреевским флагом, со скрещенными палашом и треуголкой на крыше, нелегко было доставить сперва к «Таймыру», а оттуда к месту погребения на западном Таймырском полуострове.

Матросы «Вайгача» напрягали силы, таща тяжелые сани с гробом по торосистому пути. Все они добровольно вызвались этим воздать свой последний долг умершему. Мои матросы с «Таймыра» вместе со мной присоединились к общим усилиям этой драматической погребальной партии.

Подкрепление с «Таймыра», обнаружившего на горизонте погребальное шествие, было вовремя.

Первое желание покойного А. Н. Жохова было быть погребенным в море, подо льдом, на месте зимовки «Вайгача». Мотив его был: нежелание доставить какую-либо излишнюю физическую тяжесть экипажу корабля, а тем паче путешествие с его гробом по торосистому ледяному покрову до берега. Мои возражения этому мотиву, дружная и сердечная атмосфера последних дней его жизни, проведенных вместе в его каюте, изменили его желание — он попросил похоронить его на берегу.

Немедленно по прибытии на «Таймыр» я, Неупокоев, Никольский и несколько матросов отправились на берег приготовить могилу...».

Похоронили Алексея Николаевича Жохова на высоком и ровном берегу Таймырского полуострова, в нескольких метрах от обрыва. Возле могилы поставили высокий пирамидальный знак из металла. С моря он был виден издалека.

...Человек ко всему привыкает. Даже к самому плохому. Но особенно обидно, что быстро привыкает он к потерям друзей, родных, близких. Для умерших время остановилось, для живых оно продолжает свой бег. Работа, житейские хлопоты не оставляют времени для печальных размышлений. Мелькают дни за днями, об ушедших вспоминают все реже и реже. Жизнь идет своим чередом.

Так было в марте 1916 года и на «Таймыре». Ефим Студенов с болью в сердце наблюдал, как в кают-компании офицеры весело смеются, слушая

веселые остроумные рассказы Николая Александровича Транзе. А ведь после похорон лейтенанта Жохова прошло всего дней десять. Группа матросов и офицеров «Вайгача», доставившая гроб с телом лейтенанта к флагману, еще гостила на «Таймыре». Своими мыслями Ефим поделился с Федором Ильиным.

— А нешто Алексей Николаевич хотел, чтобы мы век по нем слезы лили? — рассуждал Ильин. — Лейтенант был справедливым человеком и понимал, что живое о живом и думает. Одним воздухом, хотя бы и полярным, никто сыт не будет. Нужно что-то более существенное... Ты обиды на Николая Александровича не держи. Хороший он человек. Все матросы на «Вайгаче» так говорят. И мысли всякие дурные выкинь из головы.

— Жалко ведь лейтенанта, обидно за него...

— Перестань ныть! У нас одна нынче задача: во что бы то ни стало выжить.

...Перед возвращением на «Вайгач» ослабевшего Федора Ильина осмотрел Леонид Михайлович Старокадомский. Ослушивая и выстукивая старшину, врач покачал головой.

— Цинга у тебя, братец, — в итоге сообщил врач Федору. — Но все будет хорошо. Поправишься. Ты ведь вон какой крепыш! А нет, — пошутил он, — назовем твоим именем проливчик или мысик. Вечная память на географических картах.

— А чем мне лечиться-то, ваше благородие? — спросил Федор Ильин.

— Я могу прописать тебе лекарства. Но ты зайди лучше к твоему врачу. Он все сделает сам. А общий совет такой: чисть зубы каждое утро, чаще бывай на воздухе.

— Спасибо за лечение, ваше благородие!

— Счастливого, братец, пути! — отозвался Л. М. Старокадомский, сделав вид, что не заметил иронии в словах кочегарного старшины.

Трудная и печальная зима близилась к концу. С каждым днем увеличивалось светлое время. В конце апреля солнце перестало заходить. Наступил полярный день. Люди приободрились. Надежда на спасение зажглась в их сердцах. Матросы и офицеры, истосковавшиеся за долгую полярную ночь по работе, с радостным рвением принялись за ремонт кораблей: наглухо заделывались трещины в переборках, восстанавливались лопнувшие шпангоуты. Группы добровольцев помогали гидрографам измерять толщину льда, брать пробы воды, следить за направлением ветров. Михаил Акулинин помогал Старокадомскому собирать

зоологические коллекции.

Хватало помощников и у матросов машинного и кочегарного отделений. Первым делом собрали машину и механизмы. Потом принялись заполнять котлы талой водой, накачивать ее про запас в цистерны.

Наиболее сложная задача выпала на долю Федора Ильина, Семена Катасонова и других кочегаров и матросов машинного отделения, поскольку командир «Вайгача» решил привести в порядок лопасти винта, которые были повреждены еще осенью 1914 года. У кормовой части корабля начали выпиливать лед. Однако полностью освободить винт таким образом не удалось, пришлось плавить лед паром. И тогда выяснилось, что одна лопасть вообще отсутствует, а другая сильно обломлена.

Инженер-механик А. Н. Ильинский собрал машинистов и кочегаров.

— На «Вайгаче» имеется только одна запасная лопасть, — сказал он. — Другую придется доставить с «Таймыра». Дело это не из легких. Лопасть весит килограммов пятьсот. Есть добровольцы?

— Есть! — хором отозвались матросы.

— Спасибо, братцы!

Вскоре группа добровольцев двинулась в поход. Порожняком до «Таймыра» добрались сравнительно легко, часов за двадцать. В пути дважды останавливались на привал. Разбивали палатку. Подкрепили силы чаем и мясными консервами, которые оттаяли на примусе. Хозяйственный инженер-механик не забыл его захватить. Снова тронулись в путь, на ходу доедая сухари и шоколад.

Без остановок шли еще миль шесть, прежде чем на горизонте показалось черное пятно. Ильинский остановился, достал бинокль.

— Прямо по курсу «Таймыр»! — громко сообщил офицер.

Матросы разом оживились, заговорили, зашпорили, посыпались шутки... Впереди был отдых.

Обратный путь оказался, как и предупреждал Ильинский, куда труднее, хотя тащить тяжелый груз несколько миль помогали и матросы флагмана. Лопасть уложили на сани, изготовленные для этой цели. Груз тщательно закрепили. Под тяжестью 500 килограммов полозья вдавились в снег. По команде Ильинского двадцать матросов впряглись упряжку. Налегли грудью, рванули построжки. Полозья заскрипели, и караван медленно двинулся в путь.

Шли по старому следу. Семен Катасонов в первой упряжке оказался вместе с Ефимом Студеновым. Хоть и задыхались от встречного ветра, но

несколькими фразами все-таки успели перекинуться тамбовчане. На «Таймыре» времени для разговоров у них не было. Дав семь часов на отдых своим матросам, Ильинский заторопился назад.

Узнал Семен, что начальника экспедиции беспокоит возможность повторной зимовки. Все началось с обеда в кают-компании, когда Вилькицкому показалось, что повар не очень бережно расходует продукты.

— Скажите, каково положение с провиантом? — спросил он у старшего офицера.

— Запасов продовольствия хватит нам месяцев на восемь-девять, — ответил Транзе. — Стало быть, мы сумеем продержаться здесь где-то до октября или ноября. Но я уверен, что не позднее сентября мы все будем отдыхать в Петербурге. Так что, Борис Андреевич, нет ни малейшего повода для беспокойства...

— А если нам случится зимовать здесь еще раз? — перебил Вилькицкий.

Вопрос остался без ответа. Настроение у всех прочно испортилось. Перспектива второй зимовки, когда еще не видно конца первой, никого не воодушевляла.

— Наш начальник имеет удивительные способности делать людям неприятности, — проворчал кто-то из офицеров.

— Я не расслышал вас, — строго произнес Вилькицкий. — Повторите громче.

Никто, конечно, не посмел повторить. Из-за плохого освещения Вилькицкий не узнал говорившего, но смысл фразы он сумел все-таки понять и сразу же после второго блюда ушел в свою каюту. А через неделю во всех деталях родился план отправки половины команды на «Эклипс», а потом и на Большую землю. Предложение начальника экспедиции нашло поддержку в Петрограде. Суть плана сводилась к следующему: группа моряков, примерно половина всего экипажа «Таймыра» и «Вайгача», должна была пешим порядком добраться до «Эклипса», который дрейфовал где-то в трехстах километрах от ледакола-флагмана. Отсюда полярникам предстояло добираться до устья Енисея.

— Может быть, это и правильно! — сказал Семен, когда Ильинский, заметив, что люди в упряжке совсем выбились из сил, приказал запасной команде сменить их. Семен и Ефим с наслаждением распрямили плечи, передали кожаные лямки свежей тягловой силе.

Пропустив вперед сани, земляки, пошатываясь, побрели следом.

— А я так считаю: начальник мудро решил! — продолжил разговор

Семен.

— Не думаю, сударь мой!

— А ты рассуди сам: народу на судах сейчас много, тесно, делать всем нечего. Кормят нас с оглядкой. Если же половина команды уйдет, то оставшимся продуктов сполна хватит хоть еще на год...

После большого привала, когда повар флагмана угостил гостей обедом, матросы «Таймыра» повернули в обратный путь. До «Вайгача» оставалось еще миль пять. Но они-то оказались самыми трудными. Двигался обоз медленно, с частыми передышками. Добрались до корабля почти через двое суток.

Отдохнув как следует после трудного похода, кочегары и машинисты «Вайгача» принялись за ремонт винта. Поскольку его опять затянуло свежим льдом и засыпало снегом, то начали работы с вымораживания кормовой части корабля. Несколько дней долбили лед, рвали его шашками, распиливали пилами. Трудились все дружно, весело.

Когда закончили восстановление ходового винта, Ильинский собрал всех ремонтников в машинном отделении. Помещение имело не очень приглядный вид. От мороза и подтеков краска отстала от стен и висела лохмотьями. С потолка капало. Только медные части машин и приборов, надраенные до блеска, весело поблескивали в лучах полярного солнца.

— Спасибо, братцы, за службу! — с чувством произнес механик. — Вы буквально на своих плечах принесли нужную лопасть с «Таймыра». Ремонт ходового винта произведен в ледовых условиях в два раза быстрее, чем это делают профессионалы в стационарных ремонтных доках. Хочу особо отметить рвение машинистов Колчанова и Бера, кочегаров Ильина, Катасонова и Мячина.

Однако в полной мере трудовой подвиг машинистов и кочегаров оценили значительно позднее, когда «Вайгач» выручил флагмана, который на чистой воде сел на мель.

Но не будем забежать вперед. Тем более, что к тому времени, когда машинное отделение рапортовало о готовности корабля к плаванию, другие заботы занимали участников экспедиции. Полным ходом шла подготовка к переходу значительной части личного состава ледоколов на «Эклипс» и далее на Большую землю. В трюмах и на свежем воздухе строили санки. Поскольку капитан «Эклипса» Отто Свердруп мог помочь только тремя нартами с собачьими упряжками, основную часть грузов надо было тащить на санках самим матросам.

В марте 1915 года, пользуясь светлым временем, участники экспедиции начали регулярные измерения толщины льда. Они производились через специально пробурываемые отверстия. На снимке в центре Ефим Студенов.

Одновременно для участников предстоящего похода развешивали ежедневное пищевое довольствие, подбирали палатки, теплую одежду и обувь, заплечные сумки, топоры, защитные очки и многое другое. Уточнялись (в который раз!) списки самих моряков, покидающих «Таймыр» и «Вайгач». Экипажи кораблей разделили примерно на две группы: уходили явно больные или с ослабленным здоровьем. Кроме того, с кораблей решили списать тех офицеров и матросов, которые не имели нужных для повторной зимовки профессий. Таким образом в списках «береговой

партии», начальником которой Вилькицкий назначил летчика Д. Н. Александрова, оказалось 39 человек. Среди них были старший офицер «Таймыра» Н. А. Транзе, который только что перенес повторный приступ аппендицита, и старший офицер «Вайгача» Н. А. Гельшерт, поскольку гидрографов в экспедиции было много.

Ефим Студенов проводил в дорогу своего земляка Михаила Акулинина, Федор Ильин и Аркадий Киреев простились с фельдшером Василием Мизиным, кочегаром Василием Мячиным, который очень ослаб. Последний Большую землю так и не увидел, а скончался через два дня после того, как береговая группа достигла «Эклипса».

19 мая 1915 года стояло тихое, безветренное утро. Погода в этот день выдалась отличная, как по заказу. Небо без единого облачка, воздух легкий и прозрачный. Безбрежная ледяная равнина в лучах низкого солнца сияла весенним блеском. Отъезжающие и провожающие скучились на ледяном поле возле «Таймыра». Прощальное рукопожатие, напутственные слова.

— Миша, матери от меня низкий поклон передай! — говорил Акулинину Студенов. — Может, свидеться больше не придется!

— Ну, что ты, все обойдется благополучно.

— Завидую я вам, к родной земле идете, — вздохнул Федор Ильин.

— Дождетесь, Федя, и вы своего часа. Вон теплынь какая, скоро, верно, разойдутся льды возле кораблей... — отозвался Мизин.

Матросы разошлись по своим санкам, взялись за построики, и отряд двинулся в путь. Через две недели радисты Аркадий Киреев и Иосиф Никольский одновременно приняли радиogramму начальника береговой партии, в которой тот сообщил, что моряки, сравнительно благополучно прошли около 300 миль и прибыли на «Эклипс».

А в конце июля в кочегарке «Вайгача» раздалась команда:

— Старшина Ильин, разводите пары!

Федор так и застыл на месте. Наконец-то появилась возможность вырваться из плена.

— Старшина! Какого дьявола вы стоите?! Немедля за дело!

— Слушаюсь! — гаркнул Федор. — Есть разводите пары!

За полчаса до этого разговора командир корабля вызвал мичмана Ильинского. Новопашенный стоял на мостике, наблюдая в бинокль за тем, как таял и обламывался лед по краям ледяного поля, почти в центр которого был впаян «Вайгач». И хоть температура еще не превышала одного градуса тепла, все-таки чувствовалось, что недалек уже час, когда

корабль сумеет пробить себе дорогу к чистой воде. Высказав эту мысль, командир поинтересовался состоянием ходовой части ледокола.

— Машины собраны. В любую минуту можно разводить пары, чтобы проверить действие механизмов, — догадавшись в чем дело, бодро отчеканил инженер-механик. — Разрешите начать?

— Разрешаю.

Мичман заспешил в машинное отделение.

Федор Ильин и его матросы не ринулись, а на крыльях полетели выполнять команду инженера-механика. Вскоре мичман доложил командиру, что корабль может двигаться.

— Дайте малый ход!

В небольшой полынье, которая образовалась вокруг «Вайгача» из-за того, что подтаявшие льдины разошлись, ледоколу нельзя было с разбега совершить таранный удар. Однако, прибавив вращение гребного винта, корабль сокрушил перемычку, которая отделяла его от чистой воды.

8 августа закончился многомесячный дрейф «Вайгача» вместе с ледяным полем. Свободный от вахты наличный состав команды ледокола, исключая, конечно, кочегаров и машинистов, поднялся на верхнюю палубу. Все были необычайно возбуждены.

Корабли продвигались очень медленно, со скоростью не более двух узлов. Чистая вода кончилась быстро. Далее ледоколы шли по сплошному месиву годовалого льда.

В два часа ночи 11 августа флагман попал в беду. В это время он проходил чистой водой мимо архипелага Норденшельда. Заезавался, видно, вахтенный офицер, проглядел рулевой, и «Таймыр» вошел в мелководье, где сел на камни в одной миле от земли, повредив днище. Началась течь. Пока аварийные команды откачивали воду и пытались залатать пробоины, испортилась погода, пронесся шквал снега, дождя и града. Ледокол кренило то в одну, то в другую сторону. Корпус содрогался и гудел. Днище корабля со скрежетом елозило по камням, как громадный рашпиль по куску металла. Положение усугублялось тем, что шквал мог привести в движение гигантские ледяные острова, которые отчетливо виднелись севернее архипелага.

На выручку «Таймыру» пришел «Вайгач». Удачно приняв буксирный трос, «Вайгач» стал медленно отходить на глубину. Улучив момент, когда большая волна слегка приподняла флагман, «Вайгач» сделал плавный рывок, легко сняв «Таймыр» с каменного ложа. Какое-то время ушло на

залечивание «ран» флагмана. Только после этого ледоколы двинулись в путь. Теперь впереди шел «Вайгач».

Утром 30 августа «Таймыр» и «Вайгач» бросили якорь у острова Диксона. Здесь корабли быстро облетела новость: пешая группа летчика Александрова находится в местечке Гольчиха, что стоит на берегу Енисейского залива. Шел пятый месяц, как пеший и санный обоз отправился в путь. За это время моряки прошли более девятисот километров. Шли сквозь пургу, туманы, переправлялись через реки, обходя стороной чистую воду между ледяными полями. И все только для того, чтобы через пять месяцев, пятого сентября, Вайгач» опять принял их на свою палубу в Гольчихе, где они тщетно ждали парохода до Красноярска.

16 сентября 1915 года «Таймыр» и «Вайгач» прибыли в Архангельск. Толпы горожан заполнили городскую пристань. Они пришли приветствовать полярников, которые, впервые в истории проплыв северными морями от Владивостока до Архангельска, начали практическое освоение Северного морского пути.

Как сложилась в дальнейшем жизнь участников экспедиции? По-разному. Федор Ильин после Великого Октября примкнул к революционным морякам. И до середины 1918 года служил на флоте. Потом вернулся в Тамбов. Работал на вагоноремонтном заводе. В 1957 году был награжден значком «Почетный полярник».

Аркадий Иванович Киреев поселился в Москве. Стал строителем. Семен Пименович Катасонов после революции жил и работал в родном селе. Умер рано.

В 1918 году вернулся на родину Ефим Студенов. Но прожил здесь недолго. Выехал с семьей в Благовещенск. Вернулись Студеновы на Тамбовщину только осенью 1928 года. Пожили немного в Рассказове, в Тамбове, а затем переехал Ефим Степанович в Ленинград. Умер в блокаду.

Октябрь 1917 года застал Михаила Ивановича Акулинина в Петрограде. Он принимал участие в боях за революцию. Потом возвратился в родное село. Он создавал первую в районе МТС, в которой работал механиком до выхода на пенсию.

Из офицеров Северной экспедиции на сторону революции перешли друг Жохова лейтенант Константин Константинович Неупокоев, лейтенант Николай Иванович Евгенов, лейтенант Алексей Модестович Лавров и судовой врач «Таймыра» Леонид Михайлович Старокадомский. Неупокоев с севером не расстался. Он был начальником отдельного Обь-Енисейского

гидрографического отряда. Умер в расцвете сил и таланта, не дожив до осуществления своей мечты, когда по Северному морскому пути начали совершать регулярные рейсы суда, а над Арктикой пролегли трассы самолетов. В честь храброго моряка юго-западный мыс острова Большевик назван именем Неупокоева.

«Заболел» севером и Алексей Модестович Лавров. В 1932 году второй раз он ступил на палубу ледокола «Таймыр» уже начальником Таймырской экспедиции. Советское правительство высоко оценило его заслуги, наградив старого полярника орденами. Умер Лавров в 1942 году.

Много полезного для науки сделал и Николай Иванович Евгенов, прекрасно знавший штурманское дело.

Леонид Михайлович Старокадомский несколько лет занимался созданием медико-санитарной службы Военно-Морского флота. В 1930 году вышел в отставку, после чего участвовал в нескольких полярных экспедициях. Скончался в январе 1963 года.

Б. А. Вилькицкий после революции эмигрировал за границу.

Известный полярник Николай Романович Дождиков в двадцатые годы встречался с Вилькицким, когда тот в качестве лоцмана привел в Обскую губу пароходы Карской товарообменной экспедиции. Суда доставили из Англии для молодой республики Советов сельхозмашины, инструменты, бумагу, краски. Дождиков вспоминает, что Вилькицкий жаловался ему на свою участь белоэмигранта. Прожив все ценности, которые он сумел прихватить с собой, некогда блестящий флигель-адъютант вынужден был вступить в артель по ремонту мебели, а потом заняться разведением кур. В 1925 году Вилькицкий перебрался в Бельгийское Конго. Там служил лоцманом на реке Конго. Ни славы, ни денег в Африке не добыл. В статье Евгенова и Купецкого, опубликованной в четвертом томе «Летописи Севера» в 1964 году, есть такие строки: «Долгие годы, проведенные на чужбине, мало что добавили к его биографии. Он стал человеком без родины. Жизнь на чужбине стала для него, как и для всех эмигрантов, жалким прозябанием».

Большое разочарование испытал я, когда после двадцатилетних поисков родных лейтенанта Жохова получил первое письмо его младшего брата. Оказалось, Алексей Жохов родился в Петербурге, жил какое-то время в Костроме. Стало быть, зря причисляли Ефим Студенов, Федор Ильин и Михаил Акулинин лейтенанта к тамбовскому землячеству.

Несколько лет назад в иллюстрированном обзоре «Неделя» было

опубликовано такое сообщение.

«НАЙДЕНО НА ОСТРОВЕ ЖОХОВА

Этот остров был открыт в 1914 году экспедиционным судном «Вайгач». Клочок суши в Восточно-Сибирском море получил имя лейтенанта русского флота А. Н. Жохова.

Прошли десятилетия. На острове Жохова теперь устроен полярный научный пункт, где работают несколько специалистов. Недавно зимовщики обнаружили древнюю стоянку человека. В верхних слоях мерзлоты они наткнулись на остатки костров, изделия из мамонтовой кости — иглы, наконечники копий, топоры. Часть находок послана в Ленинградский музей Арктики и Антарктики».

Этой информацией я и закончу свой рассказ об экспедиции и об участии в ней смелых людей, многие из которых были моими земляками.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Верность герою . . .	5
Удивительная встреча. . .	9
Мне улыбнулась удача . . .	12
Город их мечты . . .	14
А человек-то жил под боком .	19
Большая Талинка . . .	23
Удача Колумбов XX века . . .	30
Северная Земля . . .	37
Север зовет	40
Ледяная западня . . .	48

Игорь Александрович Свиридов

ЛЕДЯНАЯ ЗАПАДНЯ

Редактор Р. В. ВОРОТНИКОВА. Художник Н. МАРШАЛКОВ. Художественный редактор Л. А. КЛОЧКОВ. Технический редактор Е. А. КИРЕЕВА. Корректор З. П. МОИСЕЕВА.

Сдано в набор 1.X 1974 г. Подписано в печать 15.I 1975 г. ЛЕ03539. Формат 60x84¹/₁₆. Усл. печ. л. 4,18. Уч.-изд. л. 4,24. Бумага № 3. Цена 13 коп. Тираж 15000 экз. Заказ № 5806. Центрально-Черноземное книжное издательство, г. Воронеж, ул. Цюрупы, 34. Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.

13 коп.